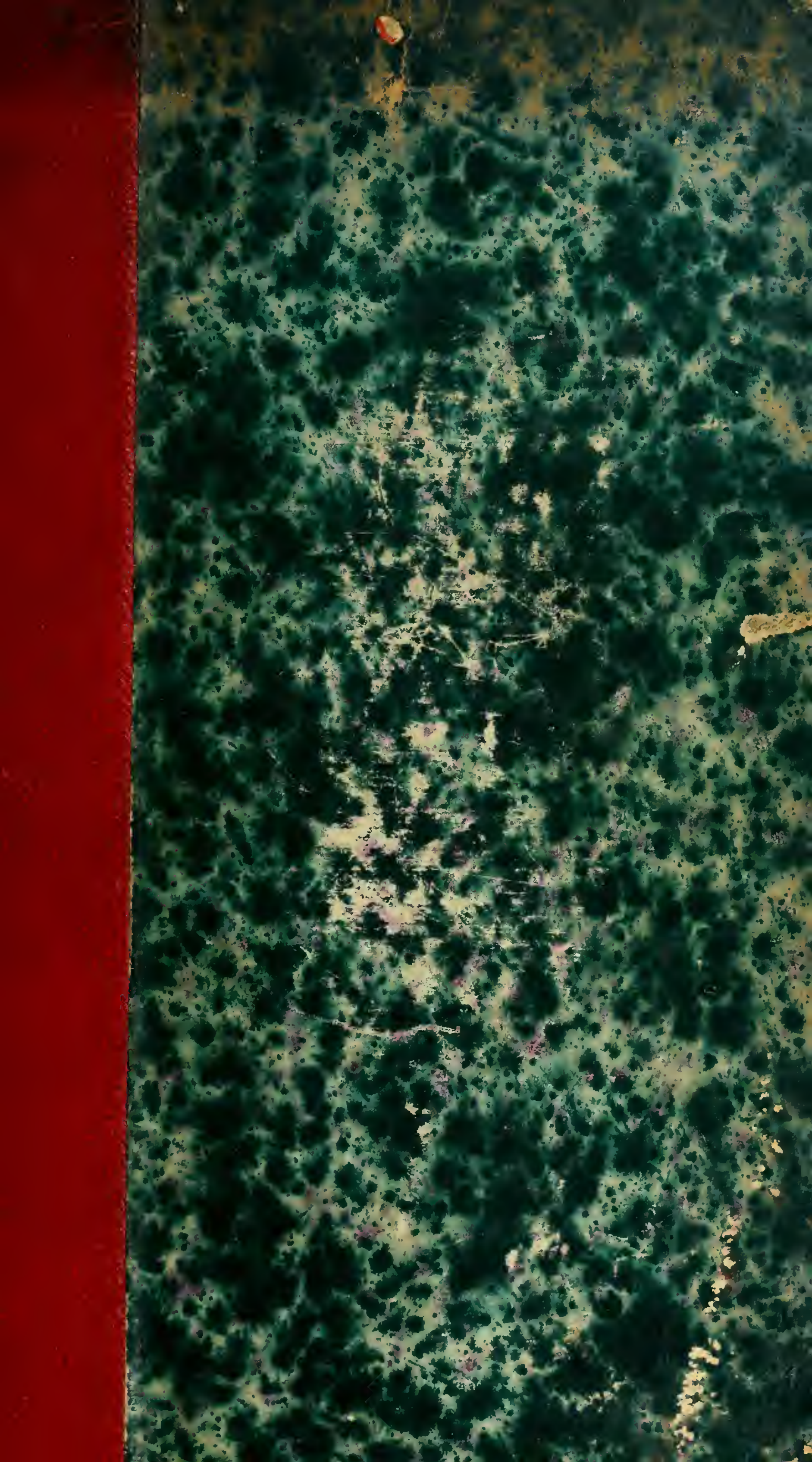

FIDE ET FORTITUDINE

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ КУПЕЦЪ,

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе Шекспира.

Перевелъ съ Англійскаго

Василій Якимовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ

КУПЕЦЪ.

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ КУПЕЦЪ,

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинение Шекспира.

Перевелъ съ Англійскаго

Василій Якимовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Х. Гинце.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатании, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 25 Февраля 1833 года.

Цензоръ Никита Бутырскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Герцогъ Венеціянскій.

Князь Марокскій }
Князь Аррагонскій } женихи Порціи.

Антоніо, Венеціянскій купецъ.

Бассаніо, другъ его.

Саланіо }
Саларино } друзья Антоніо и Бассаніо.
Граціано }

Лоренцо, любовникъ Ессики.

Шейлокъ, Жидъ.

Тубалъ, Жидъ, другъ его.

Ланселотъ Гоббо, дуракъ, слуга Шейлока.

Старый Гоббо, отецъ Ланселота.

Салеріо, посланный изъ Венеціи.

Леонардо, слуга Бассаніо.

Балтазаръ }
Стефано } слуги Порціи.

Порція, богатая наслѣдница.

Нерисса, ея служанка.

Ессика, дочь Шейлока.

Сенаторы Венеціи, Чиновники Суда, тюремные стражи, слуги и проч.

Дѣйствіе частію въ Венеціи, частію въ Бельмонтѣ, мѣстопотребованіи Порціи,

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ КУПЕЦЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Венеція. Улица.

Входятъ: Антоніо, Саларино и Саланіо.

Антоніо.

Не знаю, право, что мнѣ грустно такъ;
Соскучилъ я; вы то же, говорите.
Но какъ я то схватилъ, какъ то нашелъ,
Какъ получилъ то, изъ чего оно,
Отколь взялось — придумать не могу!
Да вѣдь такимъ глупцомъ отъ грусти сталъ я,
Что узнаю себя съ большимъ трудомъ.

Саларино.

Душа твоя по Океану бьется,
Гдѣ аргозы (1) твои, вздувъ гордый парусъ,
Какъ господа и граждане морей,

Или какъ водъ зыбучихъ монументы,
У ногъ своихъ купчишковъ мелкихъ видятъ,
А эти имъ почтенно бьютъ челомъ,
Какъ тѣ межъ нихъ летятъ на тканыхъ крыльяхъ.

Саланiо.

Признаться, Сиръ, — случись рыскнуть такъ мнѣ,
Часть лучшая моихъ страстей была бъ
Съ надеждами моими за границей.
Я все бы рвалъ траву, (2) чтобъ узнавать,
Откуда вѣтръ; — я не сводилъ бы глазъ
Съ картъ, — пристаней, рейдъ и плотинъ ища,
И все, что мнѣ грозило бъ неудачей,
Заставило бъ меня грустить.

Саларино.

Вѣтръ устъ
Моихъ, которымъ супъ я холожу,
Мнѣ лихорадку бъ надувалъ, при мысли,
Какое въ морѣ зло — вѣтръ слишкомъ сильный.
Не могъ бы я часовъ песочныхъ видѣть,
Чтобы не вспомнить отмелей и косъ; —
И вотъ богатый мой Андрей (3) застрялъ
Въ пескѣ, нагнувшись главной мачтой ниже
Своихъ боковъ — поцѣловать свой гробъ. —
Пошелъ бы я въ храмъ Божій, и взглянулъ
На каменное зданiе святыни, —
Ну - какъ мнѣ въ ту жъ минуту не подумать

О камняхъ тѣхъ опасныхъ, коимъ стоитъ
Лишь тронуться за ребра корабля,
Чтобы товаръ весь разметать по безднѣ, —
Чтобы мой шелкъ одѣлъ морскія волны?
Ну, словомъ, — что̀ за мигъ одинъ въ цѣнѣ,
То̀ черезъ мигъ — ничто! — Имѣя мысль,
Чтобъ мыслить такъ, какъ не имѣть мнѣ мысли,
Что, такъ случись, сгрустнется по неволѣ.
Ну полно же! Я знаю, что Антоніо
Груститъ съ того, что вспомнилъ о товарахъ.

Антоніо.

Повѣрьте, нѣтъ. Я благодаренъ счастью.
Мой рыскъ не одному повѣренъ судну,
Иль мѣсту; да и все мое имѣнье —
Не оборотъ текущаго лишь года.
Такъ нечего грустить мнѣ за товары.

Саланіо.

Ну, такъ влюбленъ же ты!

Антоніо.

Тьфу, вздоръ какой!

Саланіо.

И не влюбленъ? Ну, такъ позволь же намъ
Сказать: ты грустенъ потому, что ты —
Не веселъ; и тебѣ бы было такъ же
Легко смѣяться, прыгать и сказать:

Ты веселъ потому, что ты — не грустенъ.
Клянусь двуглавымъ Янусомъ! Природа
Частенько лѣпитъ чудаковъ: одинъ —
Глаза свои вамъ вѣчно полущуритъ, — (4)
Какъ попугай, смѣется подъ волынку;
Другой же такъ похожъ на уксусъ видомъ,
Что не оскалитъ зубъ своихъ въ улыбкѣ,
Хоть поклянись самъ Несторъ, что смѣшно!

Входятъ: Бассаніо, Лоренцо и Граціано.

Саланіо.

Вотъ и Бассаніо вамъ идетъ сюда,
Вашъ благородный свойственникъ, а съ нимъ
Граціано и Лоренцо. До свиданья.
Теперь мы въ лучшей оставляемъ васъ
Компаніи.

Саларино.

Остался бъ я, пока
Развеселилъ бы васъ; да вотъ друзья
Достойнѣйшіе въ томъ предупредили
Меня.

Антоніо.

Но я и ваше высоко
Цѣню *достоинство*. Увѣренъ я,
Васъ вызываетъ собственное дѣло,
А это подаетъ лишь случай вамъ —
Уйти.

Саларино.

Милорды, доброе вамъ утро.

Бассаніо.

(Къ Саланіо и Саларино.)

Мои Синьоры оба вы, когда же
Повеселиться бъ намъ? Когда, скажите? —
Вы стали странны слишкомъ. Неужель
Такъ быть должно?

Саларино.

Мы будемъ ожидать васъ.

(Саларино и Саланіо уходятъ).

Лоренцо.

Милордъ Бассаніо, вы нашли теперь
Антоніо — мы васъ оставляемъ: впрочемъ,
Прошу васъ, въ часъ обѣда не забудьте,
Гдѣ встрѣтиться намъ должно.

Бассаніо.

Упущенья
Не будетъ у меня.

Граціано.

Синьоръ Антоніо,
Вы будто нездоровы; — вы ужъ слишкомъ
Свѣтъ уважаете: теряетъ тотъ

Его, кто покупаетъ за большія
Заботы. Ей, вы чудно измѣнились!

Антоніо.

Я свѣтъ считаю свѣтомъ лишь, Граціано; —
Театромъ, гдѣ всякъ. долженъ роль играть.
Моя — скучна.

Граціано

Я роль возму шута. (5)
Пускай морщины старости приходятъ
Ко мнѣ среди веселостей и смѣховъ; —
Скорѣй виномъ пусть печень горячится,
Чѣмъ холодѣетъ грудь отъ смертныхъ вздоховъ!
Съ чего тому, въ комъ кровь еще тепла,
Сидѣть какъ дѣдушка изъ алебастра?
Спать наяву, и наживать желтуху —
Угрюмостью? Я говорю тебѣ,
Антоніо, — я люблю тебя, и это
Слова моей любви: есть люди, коихъ
Лице подергивается, какъ сливки,
И одѣвается, какъ прудъ стоячій;
Они хранятъ упорное молчанье
Съ намѣреньемъ — прикрыть себя тѣмъ мнѣньемъ,
Они-де мудры, важны и глубоки.
Какъ бы сказалъ иной : *Я Сиръ оракулъ!*
И лишь открою ротъ — молчи собака. (6)
Антоніо, знаю я и тѣхъ, которыхъ

Считаютъ мудрецами — за молчанье;
Которые — я въ томъ весьма увѣренъ —
Когда бъ заговорили, въ смертный грѣхъ
Ввели бы слушающихъ, ибо эти бъ
Своихъ назвали братьевъ — дураками. (7)
Объ этомъ я тебѣ въ другой разъ больше...
Лишь не лови приманкою печали
Сей, пискаря безумцевъ — это мнѣнье. (8)
Пойдемъ, Лоренцо добрый! До свиданья.
Я кончу увѣщанье, (9) пообѣдавъ.

Лоренцо.

Такъ мы жъ васъ оставляемъ до обѣда.
Я долженъ быть однимъ изъ нѣмо-мудрыхъ.
Граціано не даетъ сказать мнѣ слова.

Граціано.

Ну, хорошо; ты поживи со мной
Два годика еще, — такъ знать не будешь,
Какъ собственный звенитъ языкъ твой.

Антоніо.

Прощайте; сдѣлаюсь я болтуномъ,
Чтобъ только угодить вамъ.

Граціано.

Благодарны
Мы вамъ, по чести. Ибо молчаливость

Похвальна только въ языкахъ копченыхъ,
Да въ дѣвушкахъ еще неразвращенныхъ.

(*Граціано и Лоренцо уходятъ*).

Антоніо.

Неужели это похоже на что нибудь?

Бассаніо.

Граціано говоритъ безконечное множество *ничего*, больше, нежели кто либо во всей Венеціи. Его мысли то, что̀ два пшеничныя зерна въ двухъ четверикахъ мякины; цѣлый день будешь искать ихъ, пока найдешь, а нашедши — увидишь, что они не стоятъ того, чтобъ ихъ искать.

Антоніо.

Ну, хорошо; скажите мнѣ теперь,
Кто эта дѣвушка, къ которой вы,
Клялись, тайкомъ сходить на поклоненье, —
Та, о которой обѣщались вы
Сегодня мнѣ сказать?

Бассаніо.

Не безъизвѣстно,
Антоніо, вамъ, какъ состоянье я
Свое разстроилъ, нѣсколько поболѣ
Показывая роскоши затѣй,
Чѣмъ средства малыя сдержать могли.
Да я и не печалюсь, принужденъ бывъ

Понизить этотъ благородный тонъ.
Моя забота главная — сбыть съ рукъ,
Какъ слѣдуетъ, великіе долги,
Въ которые запутало меня,
Немного расточительное, время.
Вамъ долженъ я, Антоніо; больше всѣхъ —
Монетой и любовью; а любовь
Мнѣ ваша въ томъ порукой, что могу
Я передать намѣренья вамъ, планы,
Какъ отъ моихъ отдѣлаться долговъ.

Антоніо.

Я васъ прошу о томъ, Бассаніо добрый;
И, если только это не уходитъ —
Какъ не уходите и сами вы —
Изъ виду чести, — увѣряю васъ,
Мой кошелекъ, мое лицо, мои
Отчаянныя средства всѣ — открыты
Для вашихъ нуждъ.

Бассаніо.

Въ школьные дни мои,
Когда случалось мнѣ терять стрѣлу,
Такъ я металъ, подъ пару ей, — другую
Въ ту жъ сторону, но съ большимъ примѣчаньемъ,
Чтобъ первую найти; и такъ рыскуя
Обѣими, я обѣ находилъ.
Я дѣтскій опытъ сей привелъ затѣмъ,

Что слѣдствія такъ святы, какъ невинность.
Я много долженъ вамъ, и, въ томъ виной
Слѣпая молодость, — то, что я долженъ,
Пропало: но, угодно если вамъ
Еще стрѣлу пустить туда жъ; куда
Вы первую пустили, — я увѣренъ,
Что, цѣль замѣтивъ, иль найду я обѣ,
Иль принесу послѣдній рыскъ назадъ,
И благодарнымъ должникомъ за первый
Останусь передъ вами.

Антоніо.

Хорошо
Вы знаете меня; и время только
Теряете, чинясь съ моей любовью.
И въ правду, мнѣ больнѣй сомнѣнье ваше
На счетъ готовности моей, чѣмъ еслибъ
Весь капиталъ мой вы спустили съ рукъ.
Итакъ, скажите же, что дѣлать мнѣ,
Чего надѣетесь вы отъ меня, —
На все то я готовъ. Ну, говорите!

Бассаніо.

Есть въ Бельмонтѣ богатая дѣвица.
Она прекрасна, а — еще прекраснѣй,
Высокія достоинства ея.
Отъ глазъ ея когда-то я имѣлъ
Прекрасныя безсловныя посольства.

Ей имя — Порція; — ни чѣмъ не ниже
Катона дочери, супруги Брута.
Да и пространный свѣтъ не безъизвѣстенъ
На счетъ ея достоинствъ, потому,
Что въ домъ ея четыре вѣтра дуютъ
Со всѣхъ морей, знатнѣйшихъ жениховъ.
Солнце - цвѣтные локоны висятъ
У ней, руну подобно золотому,
И Бельмонтъ тѣмъ въ Колхиду обращаютъ;
И ужъ не разъ искалъ ее Язонъ.
О мой Антоніо! еслибъ я имѣлъ
Лишь средства — быть соперникомъ кому, —
Душа моя предсказываетъ мнѣ,
Что былъ бы я навѣрное счастливымъ.

Антоніо.

Ты знаешь, все мое имѣнье въ морѣ.
Я не имѣю денегъ, ни удобства
Потребную теперь доставить сумму.
Итакъ иди, и пробуй, что̀ кредитъ
Мой сдѣлать можетъ у Венеціянцевъ.
Онъ долженъ быть до крайности испытанъ!
Чтобъ было съ чѣмъ тебя отправить въ Бельмонтъ,
Къ прекрасной Порціи. Иди, тотчасъ,
Разузнавай, — я то же буду дѣлать, —
Гдѣ деньги есть, и нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что подъ мою поруку ихъ найдемъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ: Порція и Нерисса.

Порція.

По правдѣ сказать, Нерисса, моя маленькая особа скучаетъ этимъ большимъ свѣтомъ.

Нерисса.

Скучать бы вамъ, сударыня, тогда, когда бы у васъ такъ же много было горя, какъ теперь имѣнія! Но я вижу, что тѣ, которые кушаютъ слишкомъ много, такъ же бываютъ больны, какъ и томимые голодомъ. По этому, не малое счастіе — быть ни богатымъ, ни бѣднымъ; излишество скорѣе доживаетъ до сѣдыхъ волосъ, а умѣренность живетъ долѣе.

Порція.

Хорошія мысли, и хорошо сказаны.

Нерисса.

Онѣ были бы еще лучше, когда бы имъ слѣдовали.

Порція.

Если бы дѣлать — было такъ же легко, какъ знать, что̀ хорошо дѣлать, — то часовни обратились бывъ церкви, а хижины бѣдныхъ людей

во дворцы Государей. Хорошъ попъ богословъ, который слѣдуетъ своимъ собственнымъ наставленіямъ. Мнѣ легче научить двадцать человѣкъ тому, что хорошо дѣлать, нежели быть одною изъ двадцати, чтобы слѣдовать моему собственному ученію. Мозгъ можетъ выдумывать законы для крови; но горячій темпераментъ перескакиваетъ черезъ холодное узаконеніе. Бѣшеная молодость такой заяцъ, что прыгаетъ черезъ сѣти калѣки — добраго совѣта. Но, это умствованіе не помогаетъ мнѣ выбирать мужа. О, ужъ мнѣ это слово: *выбирать!* Я не могу ни выбрать, кого хотѣла бы, ни отказать тому, кто мнѣ не нравится; такъ воля живущей дочери связана волей умершаго отца. Не тягостно ли это, Нерисса, что я ни выбрать кого, ни отказать никому не могу?

Нерисса.

Вашъ батюшка былъ во всю жизнь свою добродѣтеленъ; а святые люди, при смерти своей, имѣютъ хорошія вдохновенія: по этому, въ лотереѣ, которую онъ выдумалъ изъ этихъ трехъ ящиковъ: золотаго, серебрянаго и свинцоваго (по коей, кто выберетъ его мнѣніе, тотъ выберетъ васъ),— никто не выберетъ, какъ должно, кромѣ того, кто, какъ должно, будетъ любить васъ.—Но есть ли у васъ какая склонность къ кому нибудь изъ

этихъ славныхъ жениховъ, которые ужè прiѣхали?

Порцiя.

Говори, пожалуй-ста, имена ихъ; ты будешь мнѣ ихъ называть, а я буду тебѣ ихъ описывать; а по моимъ описанiямъ ты можешь измѣрять мою склонность.

Нерисса.

Во-первыхъ, Неаполитанскiй Принцъ. (10)

Порцiя.

Да, настоящiй лошакъ: у него только и дѣла, что говорить о своей лошади; и онъ считаетъ большимъ прiобрѣтенiемъ для своихъ отличныхъ достоинствъ то, что самъ можетъ ее подковывать. Я въ большомъ опасенiи, что Миледи, мать его, имѣла короткое знакомство съ кузнецомъ.

Нерисса.

Послѣ него, Графъ Палатинъ.

Порцiя.

Онъ то и дѣло, что хмурится; какъ бы хотѣлъ иной сказать: *когда не хотите меня, ну, такъ и быть!* Онъ слушаетъ забавные разсказы, и не улыбается. Я боюсь, онъ сдѣлается плачу-

щимъ Философомъ подъ старость, когда ужѐ въ молодости такъ неблагопристойно печаленъ. Я скорѣй бы вышла за голову мертвеца съ костью въ зубахъ, нежели за кого либо изъ нихъ. Богъ да сохранитъ меня отъ этихъ двухъ!

Нерисса.

Чтò вы скажете о Французскомъ Лордѣ Monsieur le Bon?

Порція.

Богъ сотворилъ его, такъ и пускай себѣ идетъ за человѣка! Я знаю, конечно, грѣшно быть насмѣшницей; но онъ, — да, онъ имѣетъ лучшую лошадь, нежели Неаполитанецъ; лучшую худую привычку хмуриться, нежели Графъ Палатинъ. Онъ всякій человѣкъ — ни въ какомъ человѣкѣ. (11) Запой дроздъ — онъ тотчасъ и прыгаетъ! Онъ сражается съ своею собственною тѣнью. Выйдти мнѣ за него тоже, что выйдти за двадцатерыхъ мужей. Если бъ онъ меня презиралъ, то я бы ему это прощала: потому, что если бы онъ любилъ меня до безумія, то я бы никогда не отвѣчала ему.

Нерисса.

А что скажете вы Фольконбриджу, молодому Англійскому Барону?

Порція.

Ты знаешь, я ему ничего не говорю, потому, что ни онъ не понимаетъ меня, ни я его. Онъ не знаетъ ни по-Латини, ни по-Французски, ни по-Италіянски; (12) а ты можешь прійдти въ судъ и утверждать подъ присягой, что Леди твоя на одинъ бѣдный шиллингъ знаетъ по-Англійски. Онъ —прекрасное изображеніе мущины: но, увы! кто можетъ разговаривать съ нѣмою куклой? Какъ онъ странно одѣтъ! Я думаю, онъ купилъ свой плащъ— въ Италіи, круглые . . . . . во Франціи, шапку— въ Германіи, а свое поведеніе — вездѣ!

Нерисса.

Что вы думаете о Шотландскомъ Лордѣ, его сосѣдѣ?

Порція.

То, что онъ добродушенъ, какъ сосѣдъ: онъ взялъ у Англичанина взаймы пощечину, и поклялся уплатить ему оную, когда будетъ въ состояніи. Я думаю, Французъ поручился за него, и подписался за другаго. (13)

Нерисса.

Какъ вамъ кажется молодой Германецъ, племянникъ Саксонскаго Герцога?

Порція.

Очень гадкимъ по-утру, когда бываетъ трезвъ, и какъ нельзя больше гадкимъ послѣ обѣда, когда бываетъ пьянъ. Въ самыя лучшія минуты свои онъ не много хуже человѣка, а въ самыя худшія — не много лучше скотины. Ужъ какъ бы худо ни пришлось, я надѣюсь отдѣлаться отъ него!

Нерисса.

Если онъ вздумаетъ выбирать, и выберетъ надлежащій ящикъ, то вы откажетесь исполнить волю батюшки, когда откажетесь отъ него.

Порція.

Потому-то, опасаясь крайности, прошу тебя: поставь большой стаканъ Рейнскаго вина не на тотъ ящикъ; ибо, если самъ сатана будетъ внутри онаго, а это искушеніе снаружи, — я знаю, онъ выберетъ послѣднее. Я готова сдѣлать все на свѣтѣ прежде, нежели выйду за мужъ за Грецкую губку. (14)

Нерисса.

Нечего бояться вамъ, Леди, что будете имѣть кого-либо изъ этихъ Лордовъ. Мнѣ извѣстны ихъ намѣренія; они хотятъ возвратиться по домамъ, и не безпокоить васъ болѣе искательствомъ, если

васъ нельзя иначе выиграть, какъ по завѣщанію батюшки, посредствомъ ящиковъ.

Порція.

Доживи я до старости Сивиллы, все умру съ невинностью Діаны, если не достанусь кому такъ, какъ хочетъ батюшка. Я рада, что эта толпа жениховъ такъ разсудительна; ибо нѣтъ ни одного между ними такого, чтобъ я сильно не желала его отсутствія, и я прошу Бога—послать имъ благополучный отъѣздъ.

Нерисса.

Не помните ли вы, Леди, — когда еще вашъ батюшка былъ живъ,—одного Венеціянца, ученаго и воина, который пріѣзжалъ сюда вмѣстѣ съ Маркизомъ Монферратскимъ?

Порція.

Да, да; это Бассаніо; такъ, кажется мнѣ, его звали.

Нерисса.

Такъ точно, сударыня. Онъ изо всѣхъ мущинъ, какихъ только глупые глаза мои когда видѣли, былъ наиболѣе достоинъ прекрасной женщины.

Порція.

Я помню его хорошо, и помню, что онъ

стоитъ похвалы твоей. — Ну, что новаго?

(Входитъ слуга.)

Слуга.

Эти четверо пріѣзжіе, Леди, хотятъ быть у васъ, чтобы проститься съ вами; да еще передовой пріѣхалъ отъ пятаго, Марокскаго Князя, и говоритъ, что Князь, господинъ его, будетъ сюда къ ночи.

Порція.

Если бы я могла принять пятаго съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ могу проститься съ четырьмя другими, то я бы радовалась его пріѣзду. Когда онъ имѣетъ свойства святаго, а цвѣтъ діявола, то я лучше бы желала имѣть его своимъ духовникомъ, нежели мужемъ. Пойдемъ, Нерисса. — Человѣкъ, иди впередъ. — Тогда, какъ мы запираемъ ворота за однимъ женихомъ, другой стучится въ двери.

(Уходятъ).

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Венеція. Площадь.

Входятъ: Бассаніо и Шейлокъ.

Шейлокъ.

Три тысячи червонцевъ, — хорошо.

Бассаніо.

Да, Сиръ, на три мѣсяца.

Шейлокъ.

На три мѣсяца,—хорошо.

Бассаніо.

Въ этомъ, какъ я сказалъ тебѣ, Антоніо п ручится.

Шейлокъ.

Антоніо поручится,—-хорошо.

Бассаніо.

Можешь ты помочь мнѣ? Сдѣлаешь мнѣ одс женіе? Узнаю ль я твой отвѣтъ?

Шейлокъ.

Три тысячи червонцевъ, на три мѣсяца, и А тоніо поручится—

БАССАНІО.

Отвѣтъ твой на это?

ШЕЙЛОКЪ.

Антоніо—хорошій человѣкъ.

БАССАНІО.

Не слыхалъ ли ты, чтобъ его обвиняли въ противномъ?

ШЕЙЛОКЪ.

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Говоря, что онъ хорошій человѣкъ, я, вотъ изволите видѣть, хотѣлъ вамъ сказать, что онъ — *достаточенъ.* (15) Однако жь, его средства — только въ предположеніи: одинъ корабль его пошелъ въ Триполь, другой въ Индію; я слышалъ еще въ Ріальто, что что третій у него въ Мексикѣ, четвертый въ Англіи; — и другіе грузы имѣетъ онъ, разсѣянные въ чужихъ краяхъ. Но, корабли вѣдь-только судна; матросы—только люди: есть крысы на матерой землѣ, и есть крысы въ морѣ;—разбойники въ морѣ и на матерой землѣ, то есть, морскіе разбойники;—да кромѣ того, вѣдь воды, вѣтры и подводные камни такъ же—опасны! Этотъ человѣкъ, однако жъ — *достаточенъ.* Три тысячи червонцевъ. . . Я думаю, что его вексель я могу взять.

БАССАНІО.

Будь увѣренъ, что можешь.

ШЕЙЛОКЪ.

Я желаю быть увѣренъ, что могу; а, чтобъ я могъ быть увѣренъ, — я хочу пообдуматься.— Могу я самъ поговорить съ Антоніо?

БАССАНІО.

Если тебѣ угодно съ нами обѣдать.

ШЕЙЛОКЪ.

Да, нюхать поросятину! ѣсть отъ жилища, въ которое вашъ Пророкъ, Назарянинъ, загналъ дьявола! Я буду покупать съ вами, продавать съ вами, говорить съ вами, гулять съ вами, и такъ далѣе; но я не стану ни ѣсть съ вами, ни пить съ вами, ни молиться съ вами. — Что новаго въ Ріальто?—Кто это идетъ сюда?

Входитъ Антоніо.

БАССАНІО.

Это синьоръ Антоніо.

ШЕЙЛОКЪ.

(*Въ сторону*).

Какъ онъ глядитъ притворнымъ мытаремъ!
За то его я ненавижу, что
Онъ Христіанинъ; болѣе жъ за то,

Что, съ глупой простоты, взаймы даетъ
Онъ деньги безъ проценту, и чрезъ это
Въ Венеціи сбиваетъ цѣну съ росту.
О, если бъ онъ ко мнѣ попался въ руки, — (16)
Я бъ давнюю къ нему насытилъ злобу!
Онъ нашъ святой народъ терпѣть не можетъ,
И даже тамъ, гдѣ болѣе всего
Сбираются купцы,—меня поноситъ,
Мой торгъ, мой трудовой барышъ, который
Онъ именемъ процента называетъ.
Да будетъ проклято мое колѣно,
Коли ему прощу!

Б а с с а н і о.

Шейлокъ, ты слышишь?

Ш е й л о к ъ.

Считаю я, что у меня наличныхъ.
По близкой смѣтѣ памяти моей,
Я не могу представить тотчасъ суммы
Въ три тысячи червонцевъ. Ну, да правда!
Тубалъ, Еврей богатый, одного
Со мной колѣна, дастъ мнѣ! А постойте!
На сколько мѣсяцевъ угодно вамъ?—

(*Къ Антоніо.*)

Не безпокойтесь, добрый мой синьоръ;
О вашей чести мы лишь говорили.

Антоніо.

Шейлокъ, я ни даю, ни занимаю,
Чтобъ брать процентъ, иль самому платить:
Но, чтобъ помо́чь при крайней нуждѣ другу,—
Обычай свой нарушить я хочу.
Ужѐ онъ знаетъ, сколько вы хотите?

Шейлокъ.

Да, да, ужѐ; три тысячи червонцевъ.

Антоніо.

И на три мѣсяца?

Шейлокъ.

Я позабылъ, —
Три мѣсяца; вы мнѣ сказали такъ.
Такъ дайте жъ вексе̑ль; и—взглянуть позвольте, —
Послушай-те, однакожъ; вы сказали,
Мнѣ кажется, что—ни даете вы
Взаймы, ни занимаете, съ процентомъ.

Антоніо.

Я въ жизнь свою не дѣлаю того.

Шейлокъ.

Когда Іаковъ пасъ овецъ Лавана, —
Іаковъ этотъ послѣ Авраама
Святаго (такъ какъ умная его

Мать постаралась за него) былъ третій
Владѣлецъ; да, онъ третій, третій былъ —

Антоніо.

Ну, что же онъ? проценты, что-ли, бралъ?

Шейлокъ.

Нѣтъ, онъ не бралъ процентовъ; да, процентовъ
Въ томъ смыслѣ именно, какъ вы зовете.
Замѣтьте, что Іаковъ этотъ сдѣлалъ:
Когда Лаванъ и онъ промежъ собой
Условились, чтобъ пестрыя ягнята
Іакову въ уплату доставались, —
Овечки, осени къ концу,
Производили пестренькихъ ягнятокъ, —
И эти всѣ Іакововы были.
Вотъ путь былъ къ барышу! Благословенъ онъ!
Барышъ—благословенье, коль его
Не крадутъ люди.

Антоніо.

Сиръ, на рыскъ служилъ
Іаковъ; не былъ въ силахъ онъ то сдѣлать,
Но свыше все совершено. — Да это
Съ тѣмъ развѣ писано, чтобъ оправдать
Проценты? Злато и сребро твое
Не толь, что овцы и бараны?

Шейлокъ.

Я

Того вамъ не могу сказать, а часто
Даю ему плодиться. Но, синьоръ—

Антоніо.

Бассаніо, видишь, этотъ сатана
Ссылается на тексты изъ Писанья
Въ своихъ разсчетахъ. Подлая душа,
Свидѣтельство святое представляя,
Подобна улыбающейся шельмѣ:
Хорошій плодъ—на видъ, внутри гнилой!
О, какъ снаружи хороша безчестность!

Шейлокъ.

Три тысячи червонцевъ—это сумма
Изрядная. Три мѣсяца въ году—
Постойте, сколько тутъ процентовъ выйдетъ?

Антоніо.

Ну, что же, одолжишь ты намъ, Шейлокъ?

Шейлокъ.

Синьоръ Антоніо, часто, да, частенько
Въ Ріальто бранивали вы меня
За деньги и проценты: я сносилъ
Съ терпѣньемъ все, плечами пожимая;—
Терпѣнье—признакъ нашего колѣна.
Вы называете меня невѣрнымъ,

Безчеловѣчною собакой;—вы
Плюете на Жидовскій мой кафтанъ,—
И все за то, что пользуюсь своимъ я.
Ну, хорошо. Теперь я вижу, что
Моя нужна вамъ помощь. Ну, пускай!
Вотъ вы пришли ко мнѣ, и говорите:
Шейлокъ, намъ нужны деньги; — говорите
Мнѣ это вы,—вы, бороду который
Оплевывалъ мою, и какъ чужую
Толкалъ меня собаку за порогъ;
Теперь, вотъ видите, вамъ нужны деньги.
Что мнѣ сказать? Не долженъ ли сказать я:
Да развѣ песъ имѣетъ деньги? Развѣ
Песъ можетъ дать три тысячи червонцевъ?
Иль долженъ я вамъ низко поклониться,
Попридержавъ дыханье, какъ невольникъ,
Въ полголоса сказать: *прекрасный Сиръ!*
На прошлой вы недѣли, въ среду,
Плевали на меня; въ такой-то день
Ногой меня толкали; — вотъ тогда-то
Собакой называли;—и за эти
Вамъ ласки я даю вотъ столько денегъ!

Антоніо.

Я въ искушеньи такъ назвать тебя
Опять! еще разъ плюнуть на тебя!
Еще толкнуть тебя! Когда ты хочешь—
Давать взаймы мнѣ деньги, не давай

Мнѣ ихъ, какъ ты даешь твоимъ друзьямъ.
(И гдѣ же дружество беретъ съ друзей
Барышъ къ бездушному металлу?) Нѣтъ!
Давай ихъ мнѣ, какъ твоему врагу!
Который если разорится,— ты
Безстыднѣе потребуешь взысканья!

Шейлокъ.

Вотъ видите, какъ горячитесь вы!
Я съ вами поступить хочу, какъ другъ,—
Забыть срамъ, коимъ вы меня марали,—
Вамъ въ нуждѣ пособить, и ни полушки
Проценту за свои не взять съ васъ деньги;
А вы меня и слушать не хотите;—
Я предлагаю это вамъ, какъ ласку.

Антоніо.

Какъ ласку?

Шейлокъ.

Да, я докажу вамъ это.
Пойдемъ къ нотаріусу; у него
За вашею печатью вексель мнѣ
Съ себя вы дайте, и, для шутки лишь
Забавной, если вы въ такой-то день,
Въ такомъ-то мѣстѣ, сумму, или суммы
Такія, какъ мы скажемъ въ уговорѣ,—
Мнѣ не заплатите, такъ мы положимъ—

За неустойку вырѣзать фунтъ тѣла
У васъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ угодно мнѣ.

Антоніо.

Согласенъ! Приложу печать свою
Я къ векселю такому, и скажу:
Въ Евреѣ очень много доброты!

Бассаніо.

Такого векселя ты за меня
Давать не долженъ; я скорѣй согласенъ
Остаться въ крайности.

Антоніо.

Ну, вотъ! Чего
Бояться, человѣкъ? Вѣдь неустойки
Не будетъ у меня. Въ теченье этихъ
Двухъ мѣсяцевъ,—за мѣсяцъ, стало быть,
До сроку,—ожидаю я уплаты
Въ три - трижды больше разъ, чѣмъ этотъ век-
сель.

Шейлокъ.

О, отче Авраамъ! Вотъ Христіане!
Жестокость собственныхъ поступковъ ихъ
И на другихъ подозрѣвать ихъ учитъ!
Прошу покорно это мнѣ сказать!
Ну, не устой онъ въ день его,—какой
Барышъ настаивать мнѣ на взысканье?

Фунтъ человѣческаго тѣла, взятый
У человѣка, не такой цѣны,
И не приноситъ пользы такъ, какъ мясо
Быковъ, барановъ и козловъ. По чести,
Я дѣлаю такую дружбу съ тѣмъ,
Чтобъ ласку у него купить. Согласенъ
На то онъ будетъ — такъ; не то — прощай!
А за любовь меня не обижай.

Антоніо.

Я этотъ вексель дамъ тебѣ, Шейлокъ.

Шейлокъ.

Такъ мы же у Нотаріуса съ вами
Увидимся. Скажите напередъ ему,
Какъ написать забавный этотъ вексель.
А я пойду, сыщу червонцы тотчасъ;
Взгляну на домъ, оставленный смотрѣнью
Опасному канальи безполезной, (17)
И къ вамъ сію минуту возвращусь.

Антоніо.

Скорѣе, добрый Жидъ! —
Еврей сей обратится въ христіанство.
Добрѣетъ онъ!

Бассаніо.

Я не люблю прекрасныхъ
Словъ при душѣ коварной.

Антоніо.

Вотъ еще!
Чего же намъ съ тобой бояться тутъ?
За мѣсяцъ корабли мои придутъ.

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Звукъ роговъ. Входитъ Мароккскій Князь *и его свита.* Порція, Нерисса *и слуги.*

Мароккскій Князь.

Да не противенъ будетъ вамъ мой цвѣтъ: —
Ливрея эта пламеннаго солнца,
Которому сосѣдъ я и землякъ.
Подай-те мнѣ красавца странъ полночныхъ,
Отъ Феба гдѣ едва лишь иней (18) таетъ,
И, въ знакъ любви къ вамъ, мы себѣ надрѣзы
Подѣлаемъ на тѣлѣ, чтобы видѣть,
Чья кровь (19) краснѣй, его или моя.
Я говорю вамъ, Леди, этотъ видъ мой
Героевъ ужасалъ. Моей любовью
Клянуся, что почтеннѣйшія дѣвы

Климата нашего — его любили.
Я не рѣшился бъ цвѣтъ перемѣнить сей,
Какъ развѣ съ тѣмъ, чтобы похитить вашу
Любовь, моя прекрасная царица.

Порція.

При выборѣ, мной правитъ не одна
Разборчивость дѣвичьихъ глазъ; при томъ,
Случайность жребія меня лишаетъ
Правъ—избирать свободно: впрочемъ, если бъ
Отецъ мой не связалъ меня, и волей
Своей мнѣ не велѣлъ тому женой быть,
Кому достанусь такъ, какъ вамъ сказала,—
Тогда, конечно, знаменитый Князь,
Вы столько же прекрасны были бы
Для склонности моей, какъ и другой кто
Изъ жениховъ, которыхъ я досель
Успѣла видѣть.

Марокскій Князь.

Я благодарю
Васъ и за то ужѐ. И такъ прошу,
Ведите къ этимъ ящикамъ меня,
Отвѣдать счастья! — Съ этой саблей,
Подъ коей Софи палъ и Князь Персидскій,
Съ которой выигралъ я три сраженья
Съ Султаномъ Солиманомъ,—я готовъ
Предъ самымъ грознымъ взоромъ подъ луной

Стоять неустрашимо, презрать
Отважнѣйшую душу на Землѣ,
Рвать у медвѣдицы дѣтей сосущихъ,
Льва самаго дразнить, когда рыкаетъ
Онъ съ голоду,—чтобь получить тебя лишь,
О Леди. Но, увы! когда Алкидъ
Играетъ съ Ликасомъ на кости, кто
Изъ нихъ другаго лучше,—можетъ статься,
Слабѣйшая рука удачнѣй броситъ—
И Геркулесъ—ребенкомъ побѣжденъ!
Могу вѣдь такъ и я, слѣпой водимый
Фортуною, въ томъ обмануться, что̀,
Достойный менѣе меня, получитъ,—
И умереть съ печали.

Порція.

Вы должны
Судьбѣ своей предаться, и—или
Не покушаться вовсе выбирать,
Или поклясться напередъ,—когда
Вы ошибетесь выборомъ своимъ,—
Не предлагать какой либо дѣвицѣ
О бракѣ вѣкъ. Такъ вы поразсудите!

Марокскій Князь.

Согласенъ я! Къ судьбѣ моей меня
Ведите!

Порція.

Прежде въ храмъ. Послѣ обѣда
Рѣшится жребій вашъ.

Марокскій Князь.

Тогда ужъ такъ.
И быть! Или блаженство мнѣ на вѣкъ,
Или отверженный я человѣкъ!

(*Трубятъ рога. Они уходятъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Венеція. Улица.

Входитъ Ланселотъ.

Ланселотъ.

Совѣсть моя, навѣрно, поможетъ мнѣ убѣжать отъ этого Жида, господина моего. Сатана ходитъ за мной по пятамъ, и искушаетъ меня; говоритъ мнѣ: *Гоббо, Ланселотъ Гоббо, добрый Ланселотъ*, или: *добрый Гоббо*, или: *добрый Ланселотъ Гоббо, ну! дай Богъ ноги! наостри лыжи! бѣги прочь!* А совѣсть моя говоритъ: *нѣтъ! берегись, честный Ланселотъ; берегись, честный Гоббо*; или, какъ прежде сказано, *честный Ланселотъ Гоббо,*—

не бѣгай; гнушайся наостреніемъ лыжъ; хорошо; а храбрецъ сатана все-таки велитъ мнѣ убираться; *въ дорогу*, говоритъ сатана; *бѣги прочъ*, говоритъ сатана, *ради Бога; соберись съ духомъ*, говоритъ сатана, *и бѣги*; хорошо; а совѣсть моя опять, повѣсившись на шею моему сердцу, говоритъ мнѣ весьма благоразумно: *мой честный другъ Ланселотъ, такъ какъ ты сынъ честнаго отца*, — или лучше, сынъ честной матери;—ибо, по правдѣ сказать, мой отецъ былъ нѣсколько прихотливъ; —онъ имѣлъ свой особенный вкусъ;—хорошо; совѣсть моя говоритъ: *Ланселотъ, ни съ мѣста*! *Трогай*, говоритъ сатана;— *ни съ мѣста*, говоритъ совѣсть. Совѣсть, говорю я, твой совѣтъ хорошъ; сатана, говорю я, твой совѣтъ хорошъ: если слушаться совѣсти, то мнѣ надобно оставаться у Жида, господина моего, который (съ нами крестная сила) есть родъ дьявола; а если я убѣгу отъ Жида, то послушаюсь сатаны, который, съ позволенія сказать, есть самъ дьяволъ, своею особою. Заподлинно, Жидъ этотъ—истинное воплощеніе чорта; и по совѣсти сказать, совѣсть моя есть родъ жестокой совѣсти, коли она совѣтуетъ мнѣ оставаться у Жида. Совѣтъ сатаны больше походитъ на дружескій. Я убѣгу, сатана. Пяты мои ожидаютъ твоихъ приказаній. Я убѣгу!

(*Входитъ* старый Гоббо *съ корзиной.*)

Гоббо.

Господинъ, молодецъ, послушайте! Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, дорогу къ господину Жиду.

Ланселотъ.
(*Въ сторону.*)

Ахъ, Боже мой! это мой законный отецъ, который, будучи хотя и не совсѣмъ слѣпъ, однакожъ довольно подслѣповатъ, не знаетъ меня. Я хочу его попробовать.

Гоббо.

Господинъ молодой джентлеменъ, скажите, пожалуй-ста, куда дорога къ господину Жиду?

Ланселотъ.

Повороти на-право при первомъ поворотѣ, а при самомъ первомъ на-лѣво; при самомъ же первѣйшемъ не поворачивай ни на право, ни на лѣво, а поворoти прямо—наискось къ дому Жида.

Гоббо.

Съ нами крестная сила! На эту дорогу трудно попасть.—Можете ли вы мнѣ сказать: нѣкто Ланселотъ, который живетъ у него, живетъ-ли у него, или нѣтъ?

Ланселотъ.

Вы говорите о молодомъ господинѣ Ланселотѣ?—
(*Въ сторону.*)

Ну, замѣчайте жъ! Теперь я подпущу турусы на колесахъ. — Вы говорите о молодомъ господинѣ Ланселотѣ?

Гоббо.

Не о господинѣ, Сиръ; но о сынѣ бѣднаго человѣка. Его отецъ, хотя я самъ то и говорю, есть честный бѣдный человѣкъ, но, — благодаря Бога, еще свѣжъ.

Ланселотъ.

Хорошо; пусть его отецъ будетъ, что̀ ему угодно: — мы говоримъ о молодомъ господинѣ Ланселотѣ.

Гоббо.

О слугѣ вашей милости, и просто — Ланселотѣ, Сиръ.

Ланселотъ.

Но я прошу васъ ergo, старичекъ; ergo, я умоляю васъ; вы говорите о молодомъ господинѣ Ланселотѣ.

Гоббо.

О Ланселотѣ, если угодно будетъ милости вашей.

Ланселотъ.

Ergo, господинъ Ланселотъ. Не говорите о гос-

подинѣ Ланселотѣ, батюшка: ибо молодой джентлеменъ, (согласно съ опредѣленіями судебъ, и таками-сякими чудными выраженіями трехъ сестеръ, и такими-сякими отраслями учености), по правдѣ сказать, скончался; или, какъ вы бы сказали, по-просту, пошелъ на небеса.

Гоббо.

О, Боже сохрани! Малой-то вѣдь былъ истинный посохъ старости моей, истинная моя подпора!

Ланселотъ.

Да развѣ я похожъ на дубинку, или столбъ? на посохъ, или подпорку?—Знаете ль вы меня, батюшка?

Гоббо.

Ахъ, нѣтъ! Я васъ не знаю, молодой джентлеменъ; но — прошу васъ, скажите мнѣ: малой-то мой (спаси Богъ душу его) живъ или умеръ?

Ланселотъ.

Вы меня не знаете, батюшка?

Гоббо.

Ахъ, Сиръ, я не довижу, и не знаю васъ.

Ланселотъ.

Да правду сказать, еслибъ у васъ и были глаза, то и тогда вы бы могли не знать меня.

Умный тотъ отецъ, кто не знаетъ собственнаго своего сына. Хорошо, старый человѣкъ, я разскажу вамъ о сынѣ вашемъ. Благословите меня! Правда высвѣтитъ. Убійство не можетъ скрыться долго, а сынъ человѣка можетъ. Но къ концу, правда откроется.

Гоббо.

Прошу васъ, Сиръ, встаньте. Я увѣренъ, что вы не Ланселотъ, мой сынъ.

Ланселотъ.

Сдѣлайте милость, оставимъ шутку въ сторону. Благословите меня! Я Ланселотъ, вашъ бывшій мальчикъ, вашъ настоящій сынъ, вашъ будущій ребенокъ.

Гоббо.

Я не могу повѣрить, чтобъ вы были мой сынъ.

Ланселотъ.

Я не знаю, что объ этомъ и думать: но я Ланселотъ, слуга Жида; и я увѣренъ, что Маргарита, ваша жена, есть мать моя.

Гоббо.

Точно, ее зовутъ Маргаритой! Я готовъ присягнуть, что если ты Ланселотъ, то ты моя собственная плоть и кровь. Благодареніе Господу

Богу! какая у тебя борода-то! На подбородкѣ твоемъ больше волосъ, чѣмъ у Доббина, ломовой моей лошади, на хвостѣ.

Ланселотъ.

Кажись бы, послѣ этого, что у Доббина-то хвостъ сталъ расти назадъ. (20) Я знаю, у него было больше волосъ на хвостѣ, нежели у меня на бородѣ, когда я въ послѣдній разъ видѣлъ его.

Гоббо.

Боже мой! какъ ты перемѣнился! — Какъ ладишь ты съ своимъ господиномъ? Я принесъ ему подарокъ. Какъ вы теперь ладите?

Ланселотъ.

Хорошо, хорошо. Но — что касается до меня, — какъ я ужè разшевелился, чтобы бѣжать отъ него, то и не остановлюсь, пока хоть немножко промну себѣ ноги. Мой господинъ — настоящій Жидъ! Сдѣлай ему подарокъ! Подари ему петлю — повѣситься! Я умираю съ голоду, служа ему. Посмотри-ка ребра-то у меня; хоть считай ихъ себѣ по пальцамъ. Батюшка, я радъ, что вы пришли. Отдайте мнѣ вашъ подарокъ для одного господина, Бассаніо, который, истинно скажу, даетъ безподобныя новыя ливреи. Если я не буду служить у него, то побѣгу такъ далеко, какъ у Господа Бога станетъ земли. — О рѣдкое счастіе!

Вотъ идетъ этотъ человѣкъ! Къ нему, батюшка! Ибо я сдѣлаюсь Жидомъ, если еще останусь служить у Жида.

(Входитъ Бассаніо съ Леонардо и другими.)

БАССАНІО.

(Слугѣ.)

Ты можешь сдѣлать это; но только поспѣшай, чтобъ ужинъ былъ готовъ около пяти часовъ. Отправь эти письма; отдай дѣлать ливреи, и попроси Граціано, чтобъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ.

(Слуга уходитъ.)

ЛАНСЕЛОТЪ.

Къ нему, батюшка!

ГОББО.

Богъ помочь милости вашей!

БАССАНІО.

Благодарю. Не хочешь ли ты чего отъ меня?

ГОББО.

Вотъ мой сынъ, Сиръ; бѣдный малый,—

ЛАНСЕЛОТЪ.

Не бѣдный малый, Сиръ, но слуга богатаго Жида, — который, слуга, желалъ бы, Сиръ, какъ

вотъ, мой батюшка, со всею подробностью доложитъ,—

Гоббо.

Онъ имѣетъ сильную анфецію, (21) Сиръ, какъ иной сказалъ бы, служить, —

Ланселотъ.

По правдѣ сказать, все дѣло состоитъ въ томъ, что я служилъ Жиду, и имѣю желаніе, какъ, вотъ, мой батюшка со всею подробностью доложитъ,—

Гоббо.

Они съ своимъ хозяиномъ (съ позволенія милости вашей сказать) живутъ какъ кошка съ собакой.

Ланселотъ.

Короче; дѣло состоитъ въ томъ, что Жидъ, обидѣвши меня, заставляетъ меня, какъ вотъ, мой батюшка, будучи, какъ я надѣюсь, старый человѣкъ сфортипируетъ (22) вамъ, —

Гоббо.

Вотъ у меня блюдо голубей, которое я желалъ бы подарить вашей милости; а просьба моя состоитъ, —

Ланселотъ.

Короче; просьба эта имѣетъ соприкосновеніе

со мною самимъ, какъ ваша милость узнаете отъ этого, вотъ, честнаго стараго человѣка; и хотя я говорю, старый человѣкъ, однакожъ, бѣдный человѣкъ, мой отецъ,—

Бассаніо.

Говори одинъ кто ни будь за обоихъ! Чего хотите вы?

Ланселотъ.

Служить вамъ, Сиръ.

Гоббо.

Этого только и недостаетъ намъ, Сиръ.

Бассаніо.

Я знаю хорошо тебя; твое
Исполнено желанье. Съ господиномъ
Твоимъ, Шейлокомъ, я ужъ говорилъ
Сего-дня, и тебя повысилъ онъ,
Когда назвать то можно повышеньемъ —
Оставить службу при Жидѣ богатомъ,
И сдѣлаться слугою джентльмена,
Столь бѣднаго.

Ланселотъ.

Старая пословица весьма хорошо раздѣлена между моимъ господиномъ, Жидомъ, и вами, Сиръ: вы имѣете милость Божію, Сиръ, и онъ имѣетъ довольно.

БАССАНІО.

Сказалъ ты хорошо. Теперь идите,
Отецъ и сынъ; проститесь съ господиномъ
Своимъ, Шейлокомъ, и потомъ ищите,
Гдѣ я живу.

(Слугамъ своимъ.)

Ливрею дать ему
Богатѣй, чѣмъ товарищамъ его.
Чтобъ было сдѣлано!

ЛАНСЕЛОТЪ.

Батюшка, пойдемъ;—я не могу найти службы, что-ли? — Развѣ у меня нѣтъ языка во рту? — Хорошо; *(смотритъ себѣ на руку)* есть ли у кого въ цѣлой Италіи ладонь лучше этой? Съ нею можно поклясться надъ Святымъ Писаніемъ, что я буду счастливъ. Вотъ, здѣсь, простая линія жизни. Здѣсь небольшая частичка женъ. Пятнадцать женъ — ничего; одиннадцать вдовъ и девять дѣвушекъ—обыкновенный доходъ для одного человѣка; а далѣе: три раза спастись отъ утопленія, и находиться въ опасности потерять жизнь на углу постели; — это—простой прыжокъ! Хорошо; если фортуна—женщина, такъ она славная дѣвка за этотъ товаръ. — Батюшка, пойдемъ; я прощусь съ Жидомъ въ одно мгновенье ока.

(Ланселотъ и старый Гоббо уходятъ.)

БАССАНІО.

Пожалуй-ста, мой добрый Леонардо,
Займись ты этимъ;—только лишь все скупишь,
И всѣмъ распорядишься,—возвращайся
Поспѣшно: праздникъ я даю моимъ
Почетнѣйшимъ знакомымъ въ эту ночь.
Такъ поспѣшай, иди!

ЛЕОНАРДО.

Употреблю на то мои всѣ силы.

(Входитъ Граціано.)

ГРАЦІАНО.

Гдѣ баринъ твой?

ЛЕОНАРДО.

Вотъ, Сиръ, идетъ сюда.

(Леонардо уходитъ.)

ГРАЦІАНО.

Синьоръ Бассаніо, —

БАССАНІО.

Граціано!

ГРАЦІАНО.

Я

Имѣю просьбу къ вамъ.

Бассаніо.

Готовъ служить.

Граціано.

Не льзя же отказать мнѣ; долженъ съ вами
Отправиться я въ Бельмонтъ.

Бассаніо.

Хорошо.
Отправиться ты долженъ; но, послушай,
Граціано; грубъ ты, дерзокъ на языкъ;
Способности, идущія къ тебѣ,
И на глаза такіе, какъ у насъ,—
Онѣ — не недостатки: но, вѣдь тамъ,
Гдѣ неизвѣстенъ ты, онѣ ужъ слишкомъ
Свободными покажутся. Прошу,
Принудь себя, пожалуй-ста, немного
Холодныхъ капель скромности смѣшать
Съ твоимъ кипучимъ духомъ; а не то,
Черезъ твои нескромные поступки
Я навлеку невыгодное мнѣнье
На мѣстѣ томъ, куда иду, и тѣмъ
Лишусь моихъ надеждъ.

Граціано.

Синьоръ Бассаніо,
Послушай-те меня лишь: если я
Степеннаго имѣть не буду платья,—

Учтиво говорить, и посылать
Лишь изрѣдка къ чертямъ, — не буду если
Часовника носить въ моемъ карманѣ,
Смотрѣть смиренно, — больше же того, —
Когда изволитъ Прелесть говорить, —
Подъ шляпу прятать глазъ моихъ, вотъ такъ,
И воздыхать, и говорить: аминь! —
Не наблюдать всѣхъ вѣжливости правилъ,
Подобно тѣмъ, которые искусно
Показываютъ видъ глубокой скорби
Во угожденье бабушкамъ, — не вѣрь
Мнѣ съ этихъ поръ!

БАССАНІО.

Ну, хорошо.
Увидимъ, какъ себя держать ты будешь.

ГРАЦІАНО.

Но только этотъ вечеръ не считаю!
Не ставь того мнѣ въ строку, что сегодня
Мы будемъ дѣлать.

БАССАНІО.

Нѣтъ, то было бъ жалко.
Скорѣй бы васъ просилъ я нарядить,
Смѣлѣй какъ можно, вашу радость: ибо

Друзья у насъ есть, коимъ бы хотѣлось
Повеселиться. Но — прощайте! Мнѣ
Есть дѣло.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Тамъ же. Комната въ домѣ Шейлока.

Входятъ: Ессика и Ланселотъ.

Ессика.

Жалѣю, что отца такъ оставляешь
Ты моего. Нашъ домъ есть сущій адъ;
А ты, забавный дьяволъ, развлекалъ
Немного насъ въ минуты мрачной скуки.
Прощай! Возми себѣ червонецъ этотъ!
Да вотъ что, Ланселотъ : увидишь ты
За ужиномъ у господина скоро
Между гостьми, Лоренцо. Передай
Ему письмо вотъ это, только скрытно;
Прощай. Я не хочу, чтобъ мой отецъ
Насъ видѣлъ, какъ мы говоримъ съ тобой.

*

Ланселотъ.

Адьё! — Слезы говорятъ вмѣсто моего языка. Разпрекрасная язычница, разпрелестная Жидовка! Если Христіанинъ не сдѣлался плутомъ, и не произвелъ тебя; то я въ великомъ заблужденіи: но, адьё! эти глупыя капли нѣсколько заливаютъ мой твердый духъ; адьё!

(Уходитъ.)

Есика.

Прощай, мой добрый Ланселотъ.
Ахъ, какъ мнѣ ненавистенъ этотъ грѣхъ:
Стыжусь, что я дочь своему отцу.
Однакожъ, хоть я дочь ему по крови,
Но не по чувствамъ. О Лоренцо! если
Ты сдержишь слово,—участь рѣшена!
Я Христіанка и — твоя жена!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тамъ же. Улица.

Входятъ: Граціано, Лоренцо, Саларино и Саланіо.

Лоренцо.

Да, мы уйдемъ, за ужиномъ, ко мнѣ,
Переодѣнемся, и тотчасъ возвратимся.

Граціано.

Мы приготовились нехорошо.

Саларино.

Факелоносцевъ не приговорили.

Саланіо.

Все вздоръ, коли не сдѣлать на-порядкахъ.
По моему, ужъ лучше и не браться.

Лоренцо.

Теперь четыре лишь часа; осталось
Еще намъ два — приготовляться.

(Входитъ Ланселотъ съ письмомъ.)

Что новаго, любезный Ланселотъ?

Ланселотъ.

Если вамъ угодно будетъ вотъ это распечатать, такъ тамъ, кажется, извѣщаютъ о томъ.

Лоренцо.

Рука ея. Прекрасная рука,
Ей! и болѣй бумаги, на которой
Писала та прекрасная рука,
Которая писала!

Граціано.

Навѣрное, любовныя газеты.

Ланселотъ.

Съ вашего позволенія, Сиръ.

Лоренцо.

Куда ты идешь?

Ланселотъ.

Вотъ изволите видѣть, Сиръ: просить моего прежняго господина, Жида, ужинать сегодня къ новому господину, Христіанину.

Лоренцо.

Постой, возми вотъ это; да скажи
Любезной Ессикѣ: я непремѣнно
Къ ней буду. По-секрету ей скажи!
Иди.

(Ланселотъ уходитъ).

Синьоры, не хотите ль вы
Приготовляться къ маскераду, къ ночи?
Я запасся однимъ факелоносцемъ.

Саларино.

Да, въ самомъ дѣлѣ; я сей-часъ пойду.

Саланіо.

И я.

Лоренцо.

Такъ вы меня ужъ и Граціано
Въ его ищите домѣ, черезъ часъ.

Саларино.

Ну, хорошо.

(*Саларино и Саланіо уходятъ.*)

Граціано.

Не отъ прекрасной ли письмо Еврейки?

Лоренцо.

Я долженъ все тебѣ сказать: она
Мнѣ пишетъ, какъ мнѣ взять ее изъ дому
Отца; какъ много денегъ у нее,
И камней драгоцѣнныхъ, и какое
Готово платье мальчика у ней.
Коль Жидъ, ея отецъ, дойдетъ до рая,
То черезъ дочь прелестную свою.
Да не посмѣетъ ей мѣшать фортуна,
Какъ развѣ лишь подъ тѣмъ однимъ предлогомъ,
Что дочь она невѣрнаго Жида. —
Пойдемъ со мной. Дорогой прочитаешь.
Теперь мнѣ Есcика факелоносецъ.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тамъ же, передъ домомъ Шейлока.

Входятъ: Шейлокъ и Ланселотъ.

Шейлокъ.

Ну, хорошо! увидишь ты; своими
Глазами ты увидишь, что̀ за разность
Межъ старикомъ Шейлокомъ и Бассаніо; —
Эй, Ессика. — Не будешь объѣдаться,
Какъ дѣлалъ у меня; — эй, Ессика! —
Не будешь спать, храпѣть, да платье рвать; —
Эй, Ессика, я говорю!

Ланселотъ.

Эй, Ессика!

Шейлокъ.

Кто звать тебѣ велитъ?
Тебѣ я не приказываю звать.

Ланселотъ.

Ваша милость обыкновенно говаривала, что я не могу ничего дѣлать безъ приказанія.

(Входитъ Ессика.)

Ессика.

Меня зовете вы? Что̀ вамъ угодно?

Шейлокъ.

На ужинъ, Есспка, я приглашенъ.
На, вотъ ключи мои!— За чѣмъ пойду я?
Не изъ любви я позванъ; льстятъ они мнѣ:
Но все пойду, изъ ненависти, чтобъ
Поѣсть на счетъ Христіанина мота.—
Смотри жъ за домомъ, Есспка, моимъ!—
Мнѣ истинно не хочется идти.
Какое-то несчастіе грозитъ
Покою моему. Во снѣ сегодня
Я видѣлъ съ деньгами мѣшки.

Ланселотъ.

Прошу васъ, Сиръ, идите; мой молодой господинъ ожидаетъ вашего репроша (23).

Шейлокъ.

А я его.

Ланселотъ.

Да они уговорились между собой,— я не скажу, что вы будете видѣть маскерадъ; а если будете, такъ не даромъ у носа моего шла кровь въ Черный Понедѣльникъ (24), въ шесть часовъ поутру;— который пришелся въ этомъ году на тотъ самый день, когда за четыре года была середа на первой недѣлѣ поста,— послѣ обѣда,—

Шейлокъ.

Какъ! маскерадъ тамъ? Есспка, послушай!

Всѣ двери позапри, и какъ услышишь
Ты барабанъ и нечестивый пискъ
Флейтъ кривошеевъ (25), не взлѣзай на окна,
И головы на улицу не суй
Открытую, чтобъ видѣть Христіанъ
Безумныхъ лакированныя рожи;
Но уши дома моего заткни:
Я разумѣю окна, да не внидетъ
Звукъ глупости въ мой домъ благоразумный.
Жезломъ Іакова! Я не имѣю
Охоты праздновать сего-дня ночью;
Но все пойду. Иди впередъ ты, братецъ.
Скажи, что буду я.

Ланселотъ.

Пойду впередъ, Сиръ. —
Сударыня, вы не смотря на это,
Смотрите въ окна.
Пойдетъ вѣдь мимо васъ
Христіанинъ, достойный вашихъ глазъ.

(Ланселотъ уходитъ.)

Шейлокъ.

Что говоритъ дуракъ, Агари племя,
А?

Ессика.

Онъ сказалъ: сударыня, простите, —
И больше ничего.

Шейлокъ.

Дуракъ довольно добрый, да обжора
Ужасная! А гдѣ есть прибыль, медленъ,
Какъ черепаха; спитъ же въ сутки больше
Сурка. Я не люблю держать лѣнтяевъ,
И для того тому его сдаю,
Кому, желалъ бы, чтобъ онъ помогалъ
Опустошать заемный кошелекъ.—
Ну, Ессика, ступай въ покои! Можетъ
Быть, скоро буду я. Такъ сдѣлай, какъ
Сказалъ я: двери за собой запри;—
Вяжи плотнѣй, найдешь вѣрнѣй —
Пословица разсчетливыхъ людей.

(Уходитъ.)

Ессика.

Когда фортуна отъ меня не прочь,—
Отца я потеряла, а вы дочь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тамъ же.

Входятъ: Граціано и Саларино, *въ маскахъ.*

Граціано.

Вотъ тотъ навѣсъ, подъ коимъ насъ Лоренцо
Просилъ стоять.

Саларино.

Почти прошелъ ужъ часъ.

Граціано.

И странно, что онъ пропускаетъ часъ:
Любовники всегда бѣгутъ *до* часу.

Саларино.

Въ пять разъ быстрѣй летитъ сынокъ Венеры —
Скрѣплять любви вновь сдѣланный союзъ,
Чѣмъ давнишній поддерживать обѣтъ.

Граціано.

Всегда такъ. Кто встаетъ изъ-за стола
Съ тѣмъ острымъ аппетитомъ, какъ садится?
Какой конь поприще свое бѣжитъ
Въ другой разъ съ тѣмъ стремительнымъ огнемъ,
Съ какимъ его онъ въ первый пробѣжалъ?
Всего на свѣтѣ ищутъ съ большимъ жаромъ,
Чѣмъ наслаждаются съ какимъ, нашедши.
Какъ юноша, или какъ расточитель,
Корабль идетъ подъ флагомъ изъ залива,
Ласкаемый въ объятьяхъ блуднымъ вѣтромъ;
А возвращается, какъ мотъ, съ боками
Потертыми, безъ грузу, весь въ дырахъ,
И пущенный съ сумою — блуднымъ вѣтромъ.

(Входитъ Лоренцо.)

Саларино.

Идетъ Лоренцо; — мы объ этомъ послѣ.

Лоренцо.

Друзья, прошу простить мнѣ замедленье.
Не я, дѣла заставили васъ ждать.
Когда красть женъ вы вздумаете сами,
Такъ столько же и я вамъ постою.
Сюда! Пойдемъ-те. Здѣсь живетъ отецъ
Мой, Жидъ.— Го! Кто тамъ есть?

Есcика *(изъ окна, въ платьѣ мальчика.)*

Вы кто? Скажите
Мнѣ для увѣренности большей, хоть
Я поклянусь, что знаю голосъ вашъ.

Лоренцо.

Лоренцо, и твоя любовь.

Есcика.

Лоренцо,
Такъ; и моя любовь, конечно. И опять,
Кто знаетъ, кромѣ васъ, Лоренцо, ваша ль
Я?

Лоренцо.

Небеса свидѣтели, и чувства
Твои, что ты моя.

Эссика.

Возмите ящикъ
Вотъ этотъ; стоитъ онъ труда. Я рада,
Что ночь. Меня не видно вамъ. Стыжусь
Своей я очень перемѣны! Впрочемъ,
Любовь слѣпа. Любовники не могутъ
Тѣхъ глупостей невинныхъ замѣчать,
Въ которыя они впадаютъ: ибо,
Когда бъ могли, то Купидонъ краснѣлъ бы,
Смотря, какъ въ мальчика я превратилась.

Лоренцо.

Сойди! Ты быть должна факелоносцемъ
Моимъ.

Ессика.

Какъ? Своему стыду должна
Свѣтить я? Онъ и такъ ужъ слишкомъ видѣнъ.
При этой должности меня узнаютъ;
А мнѣ скрываться должно.

Лоренцо.

Ты же скрыта,
Любовь, въ семъ миломъ мальчика нарядѣ.
Сойди жъ скорѣй!
Ночь мрачная такъ быстро пробѣгаетъ,
И къ ужину насъ у Бассаніо ждутъ.

Есcика.

Позаперепь мнѣ надобно всѣ двери,
И нѣсколько побольше взять червонцевъ.
Я тотчасъ къ вамъ приду.

(Скрывается.)

Граціано.

Ну шапкою моей клянусь! (26) она
Язычница, а не Жидовка! (27)

Лоренцо.

Проклятъ
Я будь, коль не люблю ее сердечно!
Она умна, сколь я могу судить;
Она прекрасна, коль мой вѣренъ глазъ;
Она вѣрна, какъ то ужъ доказала:
И потому, сама себѣ подобна,
Умна, прекрасна и вѣрна, она
Владѣть моей душею будетъ вѣчно.

(Входитъ Ессика, внизу.)

Какъ, ты ужъ здѣсь?
Пойдемъ-те, джентльмены! Маскерадъ
Друзей вѣдь насъ тамъ будетъ ожидать.

(Уходитъ съ Ессикой и Саларино.)

(Входитъ Антоніо.)

АНТОНІО.

Кто здѣсь?

ГРАЦІАНО.

Синьоръ Антоніо?

АНТОНІО.

Тьфу,
Граціано! Гдѣ же всѣ другіе? Девять
Часовъ! Друзья васъ наши ожидаютъ.
Нѣтъ маскерада; — вѣтръ подулъ; Бассаніо
Садиться хочетъ тотчасъ на корабль.
Я двадцать человѣкъ послалъ за вами.

ГРАЦІАНО.

Я радъ тому. Что мнѣ и веселиться,
Когда могу сегодня въ путь пуститься!

(Уходятъ.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Звукъ роговъ. Входятъ: Порція, Князь Марокскій *и свита той и другаго.*

Порція.
(Слугѣ.)

Поди ты, занавѣсы поотдерни,
И Князю благородному сему
Открой всѣ ящики, особо каждый. —
Теперь извольте выборъ дѣлать свой.

Марокскій Князь.

Во-первыхъ, золотой. На немъ стоитъ:
Кто здѣсь возметъ, возметъ предметъ желанья многихъ.
Второй—серебряной. Онъ говоритъ:
Кто здѣсь возметъ, возметъ, чего онъ заслужилъ
Свинецъ же, въ-третьихъ, сказываетъ прямо:
Кто здѣсь возметъ, возметъ на рыскъ всѣмъ, что̀ имѣетъ.
Какъ мнѣ узнать, чтобъ выбрать настоящій?

Порція.

Въ одномъ изъ нихъ портретъ хранится мой,
Князь. Если изберете вы его,
Я буду ваша, съ нимъ.

Мароккскій Князь.

О, да управитъ богъ какой нибудь
Моимъ сужденьемъ! Дайте, посмотрю я,
Перечитаю надписи еще!
Что говоритъ свинцовый ящикъ?
Кто здѣсь возметъ, возметъ на рыскъ всѣмъ, что̀ имѣетъ.
На рыскъ? За что же? за свинецъ? Рыскнуть,
И за свинецъ?—Сей ящикъ угрожаетъ.
Рыскующіе всѣмъ, въ надеждѣ выгодъ
То дѣлаютъ какихъ-либо особыхъ.
Духъ золотой за дрянью не польстится.
Нѣтъ! Рысковать не стану за свинецъ!
Что говоритъ дѣвичій цвѣтъ сребра?
Кто здѣсь возметъ, возметъ, чего онъ заслужилъ.
Чего онъ заслужилъ! Стой здѣсь, Марокко!
Рукою твердой взвѣсь свою заслугу.
Коль цѣнишь ты себя своей цѣной,—
Ты заслужилъ довольно; но, за всѣмъ тѣмъ,
Довольно можетъ не достать до Леди.
Опять, и незаслуги опасаться—
Казалось бы лишь слабымъ униженьемъ
Себя.—Чего я заслужилъ!—Итакъ,
Здѣсь Леди! Я породой заслужилъ
Ее, дарами счастья, воспитаньемъ!
Но болѣе, чѣмъ этимъ всѣмъ, любовью
Я заслужилъ ее!—Что̀, еслибъ я

Не отошелъ отсель, и здѣсь избралъ бы?
Взглянемъ еще, что̀ тамъ на золотомъ?
Кто здѣсь возметъ, возметъ предметъ желанья многихъ.
Здѣсь Леди! Міръ ее желаетъ весь!
Отъ четырехъ сторонъ земли идутъ
Сей ящикъ цѣловать, сію святую,
Дыханьемъ дышащую смертной. Степи
Гирканіи, обширныя пустыни
Аравіи пространной, проходимы
Теперь для Принцевъ, Порцію идущихъ
Прекрасную увидѣть. Царство водъ,
Котораго надменная глава
Въ лице небесной тверди плюетъ, больше
Пути не преграждаетъ иностранцамъ:
Они идутъ, какъ будто чрезъ ручей,
Чтобъ Порцію прекрасную увидѣть.
Въ одномъ изъ ящиковъ сокрытъ ея
Небесный образъ. Вѣроятно ль, что
Въ свинцѣ она? Проклятья мысль
Была бъ—такъ низко мыслить; слишкомъ
Нелѣпо было бъ—заключить портретъ
Ея въ гробъ мрачный. Иль я долженъ думать,
Что скрыта въ серебрѣ она, какъ въ десять
Оно разъ выше чистаго свинцу?
Мысль преступленья! Никогда богатый
Столь камень не былъ вдѣлыванъ иначе,
Какъ въ золото. Есть въ Англіи монета:

Ликъ ангела (28) оттиснутъ золотой
На ней: но это оттискъ лишь одинъ;
А здѣсь, въ семъ ящикѣ, весь, цѣлый ангелъ
Покоится на ложѣ золотомъ.
Подайте мнѣ ключи. Здѣсь выборъ мой!
Пускай со мной что́ будетъ, то́ и будетъ!

Порція.

Возмите, Князь, его, и если тамъ
Сокрытъ портретъ мой, — ваша я тогда.

(Онъ отпираетъ золотой ящикъ.)

Марокскій Князь.

О адъ! Что здѣсь я вижу? Мертвый трупъ,
Въ пустомъ глазу котораго воткнутъ
Бумаги свертокъ! Прочитаю я,
Что́ здѣсь написано.

Все ли злато, что́ сіяетъ?
Часто слухъ твой то внимаетъ.
Рѣдко ль жизнь свою теряетъ
Тотъ, кого мой видъ плѣняетъ?
Гробъ златой червей скрываетъ.
Кто такъ смѣлъ, какъ мудръ бываетъ,
Юнъ, да—какъ старикъ, смекаетъ,
Тотъ строкъ этихъ не читаетъ.
Прощай! Искъ твой застываетъ.

Онъ хладенъ, да; и нѣтъ труду наградъ.
Итакъ, прости, огонь; а здравствуй, хладъ.

Прощайте, Порція. Мнѣ слишкомъ больно,
И не могу я медлить добровольно.
Уходитъ такъ всегда, кто проигралъ.
(Уходитъ.)

ПОРЦІЯ.

Избавились! Ну, ящики закрой!
Кто черенъ такъ, всѣмъ выборъ имъ такой!
(Уходятъ.)

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

Венеція. Улица.

Входятъ: САЛАРИНО и САЛАНІО.

САЛАРИНО.

Вѣдь вотъ что, братъ: Бассаніо-то уѣхалъ.
Я видѣлъ самъ; а вмѣстѣ и Граціано;
Но съ ними нѣтъ Лоренцо, я увѣренъ.

САЛАНІО.

Жидъ шельма поднялъ Герцога своимъ
Кричаньемъ; и пришелъ съ нимъ корабля
Искать Бассаніо.

САЛАРИНО.

Поздно слишкомъ онъ
Пришелъ; корабль ужè былъ въ морѣ: впрочемъ,

Знать дали Герцогу, что на гондолѣ
Одной Лоренцо былъ съ своею вмѣстѣ
Любезной Ессикой; а сверхъ того,
Антоніо Герцога увѣрилъ, что
Ихъ не было на кораблѣ съ Бассаніо.

Саланіо.

Я отъ роду не видывалъ такой
Помѣшанной, безмѣрной, странной страсти,—
Что у Жида собаки, какъ онъ началъ
На улицахъ кричать: *О дочь моя!*
Мои червонцы! Дочь моя! Ушла
Съ Христіаниномъ!
О христіанскіе мои червонцы!
О правосудье! О законъ! Мои червонцы,
И дочь! Мѣшокъ червонцевъ, за моей
Печатью! Два мѣшка, съ моей печатью,
Червонцевъ, да, двойныхъ червонцевъ,—дочь
Моя украла у меня! И камни!
Два камня; два, два драгоцѣнныхъ камня,
Богатыхъ—у меня украла дочь
Моя! О правосудье! Отыщи
Дѣвчонку! Камни съ ней мои, червонцы!

Саларино.

И все, что есть въ Венеціи мальчишекъ,
Бѣгутъ за нимъ во слѣдъ, и припѣваютъ:
Его каменья, дочь, червонцы.

Саланіо.

Пусть
Антоніо добрый нашъ не упускаетъ
Дня своего; а то вѣдь онъ за это
Приплатится.

Саларино.

Да, кстати ты напомнилъ.
Вчера съ однимъ я говорилъ Французомъ:
Онъ сказывалъ мнѣ, что въ проливѣ моря,
Межъ Франціей и Англіей, разбился
Одинъ корабль изъ нашей стороны,
Богато нагруженный. Въ мысляхъ былъ
Антоніо у меня, при семъ разсказѣ,
И внутренно желалъ я, чтобы это
Былъ не его.

Саланіо.

Гораздо бъ лучше, если бъ
Вы этотъ слухъ Антоніо передали,
Не вдругъ лишь; это огорчитъ его.

Саларино.

На свѣтѣ нѣтъ добрѣе джентлемена.
Я видѣлъ ихъ съ Бассаніо разставанье;
Бассаніо говорилъ ему, что будетъ
Спѣшить своимъ возвратомъ, сколько можно.
А онъ ему: *Не дѣлайте того.*

Не портьте дѣла для меня, Бассаніо,
Но до минутъ останьтесь самыхъ зрѣлыхъ.
А что до векселя, что̀ Жидъ съ меня взялъ, —
Пусть онъ на мысль любви (29) къ вамъ не приходитъ.
Веселымъ будьте; помышляйте больше,
О сватаньи и изъявленьяхъ страсти,
Какія тамъ для васъ приличны будутъ.
За симъ, со вздутыми отъ слезъ глазами,
Лице отворотивъ, онъ подалъ руку
Ему свою изъ-за спины, и съ чувствомъ
Неизъяснимо - страстнымъ, руку онъ
Бассаніо жалъ—и такъ они разстались.

САЛАНІО.

Я мыслю, жизнь онъ любитъ для него лишь.
Пожалуй-ста, пойдемъ, найдемъ его,
И грусть его разгонимъ чѣмъ нибудь.

САЛАРИНО.

Пойдемъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ Нерисса *и слуга.*

НЕРИССА.

Скорѣй, пожалуй-ста! Отдерни тотчасъ
Завѣсы. Аррагонскій Князь далъ клятву,
И тотчасъ выбирать сюда придетъ.

(Звукъ роговъ. — Входятъ: Князь Аррагонскій, Порція и свита, той и другаго.)

ПОРЦІЯ.

Князь, вотъ здѣсь ящики стоятъ; когда
Возмете тотъ, гдѣ я заключена,
То тотчасъ мы и бракъ нашъ торжествуемъ.
Но если нѣтъ, то вы должны, Милордъ,
Не тратя словъ, отселѣ удалиться.

КНЯЗЬ АРРАГОНСКІЙ.

Я клятву далъ — три вещи соблюдать:
Во-первыхъ, никому не открывать,
Какой я выбралъ ящикъ; далѣ, если
Возму не тотъ, весь вѣкъ свой не искать
Въ замужство дѣвушки; и наконецъ,
Когда мнѣ не удастся выборъ мой, —
Оставить тотчасъ васъ, и удалиться.

Порція.

Обязанностямъ симъ клянется всякъ,
Рыскующій за недостойность нашу.

Кн. Аррагонскій.

Итакъ, готовъ я! Счастлива да будетъ
Надежда сердца моего!
Вотъ золото, вотъ серебро, а вотъ
Свинецъ презрѣнный.
Кто здѣсь возметъ, возметъ рыскнувъ всѣмъ, что̀ имѣетъ.
Гляди получше прежде, чѣмъ рыскну я!—
Что̀ золотой намъ скажетъ? Дай взгляну.
Кто здѣсь возметъ, возметъ предметъ желанья многихъ.
Предметъ желанья многихъ! Стало глупой
Толпы, которая на внѣшность смотритъ,
То̀ знаетъ лишь, чему тупой глазъ учитъ, —
Которая не видитъ въ глубинѣ,
Но, такъ какъ ласточка, гнѣздо свиваетъ
Открыто, на стѣнѣ наружной, въ жертву
И на пути случайности. Нѣтъ! Выборъ,
Чего желаютъ многіе—не мой!
Я не хочу плясать съ толпою душъ,
И быть въ ряду съ непросвѣщенной чернью.
Итакъ, къ тебѣ, сокровищникъ сребра!
Скажи еще разъ, что̀ ты говоришь.
Кто здѣсь возметъ, возметъ, чего онъ заслужилъ.

Да и умно! Вѣдь кто же можетъ счастье
Обманывать, и заслужить почтенье
Безъ признака заслуги? Нѣтъ! Не думай
Никто носить достоинства безъ правъ! —
О, если бъ должности, чины, богатства
Не доставались беззаконно! Честь
Скупалась лишь носителя заслугой!
Какъ многіе тогда бы понакрылись,
Ходивъ дотоль съ открытой головой;
Какъ многіе узнали бъ подчиненность,
Которые доселѣ подчиняютъ!
Какъ много бъ подлой черни отобралось
Межъ сѣменами неподдѣльной чести,
И какъ бы много чести отдѣлилось
Между мякины и руинъ временъ,
Чтобы явиться въ новомъ блескѣ! Точно! —
Но къ выбору приступимъ мы теперь.
Кто здѣсь возметъ, возметъ, чего онъ заслужилъ.
Хочу я взять заслуженное мною!
Подайте мнѣ ключи — на этотъ ящикъ,
И тотчасъ я свое открою счастье!

Порція.

Стояли долго слишкомъ для того,
Что̀ здѣсь находите.

Кн. Аррагонскій.

Что̀ здѣсь? Портретъ
Слѣпаго дурака, который мнѣ

Записку подаетъ. Дай прочитаю!
О, какъ на Порцію ты не похожъ!
Какъ отъ надеждъ, заслугъ моихъ далекъ!
Кто здѣсь возметъ, возметъ, чего онъ заслужилъ.
Я заслужилъ лишь голову глупца?
То́ мнѣ цѣна? Я заслужилъ не больше?

Порція.

Ошибки дѣлать, и судить—двѣ вещи
Различныя, и свойствъ противныхъ.

Кн. Аррагонскій.

Семь разъ это огонь очищалъ:
Семь разъ умникъ тотъ опытъ видалъ,
Кто подложнаго не выбиралъ.
Не одинъ вѣдь и тѣнь цѣловалъ,
И отъ ней поцѣлуй получалъ.
Есть живые глупцы, я знавалъ,
Въ серебрѣ, какъ и этотъ проваль.

Головой вѣкъ я буду твоей:
Отправляйтесь же, Сиръ, поскорѣй.
Дуракомъ еще больше мнѣ быть,
Если время напрасно здѣсь длить.
Съ одной глупой пришелъ головой,
А иду вотъ еще и съ другой.
Прости, Прелесть: обѣтъ свой сдержать
Долженъ я, и съ терпѣньемъ страдать.

(Кн. Аррагонскій и свита уходятъ.)

Порція.

Мошкѣ надо-жъ на свѣчкѣ сгарать. —
О мудрые глупцы! Какъ выбираютъ,
То такъ умны, что черезъ умъ теряютъ!

Нерисса.

Присловье старое — не ересьба.
Повѣситься, жениться — все судьба.

Порція.

Поди, задерни занавѣсъ, Нерисса.

(Входитъ слуга.)

Слуга.

Гдѣ Леди?

Порція.

Здѣсь; а что угодно Лорду?

Слуга.

Миледи, у воротъ остановился
Венеціянецъ молодой; онъ прибылъ
Впередъ, что бъ о пріѣздѣ господина
Сказать, отъ коего онъ вамъ привезъ
Усерднѣйшія поздравленья, то есть,
Кромѣ привѣтствій и учтивыхъ фразъ,
Богатые подарки.

Но я еще не видывалъ такого,
Столь ловкаго посланника любви:
Апрѣльскій день, предвозвѣщая лѣто
Прекрасное, прелестнымъ никогда
Такъ не бывалъ, какъ сей передовой.

Порція.

Пожалуй-ста, довольно. Я боюсь,
Что ты ему еще въ родню причтешься.
Такъ праздничнаго не жалѣешь ты
Ума на похвалу ему! Пойдемъ,
Пойдемъ, Нерисса! Я желаю очень
Поспѣшную Амура видѣть почту,
Которая идетъ къ намъ такъ прекрасно.

Нерисса.

О богъ любви! когда бы то Бассаніо!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Венеція. Улица.

Входятъ: Саланіо и Саларино.

Саланіо.

Ну, что новаго въ Ріальто?

Саларино.

Да все еще тотъ же слухъ, что корабль Антоніо, съ богатымъ грузомъ, разбился въ проливѣ; — Гудвинсъ, кажется, называютъ мѣсто: весьма опасная и роковая коса, гдѣ погребены скелеты многихъ кораблей, какъ говорятъ, — если только кума молва честная женщина на слово.

Саланіо.

Я желалъ бы, чтобъ она, на этотъ разъ, такая была лгунья - кума, какая лишь когда рас-

кусывала перецъ, или увѣряла своихъ сосѣдей, будто оплакивала смерть третьяго мужа. Но вѣрно то, — безъ всякихъ околичностей, и не переѣзжая впоперегъ равной большой дороги рѣчи, — что добрый Антоніо, честный Антоніо, — о, если бъ я имѣлъ названіе, довольно хорошее для того, чтобы быть въ товариществѣ съ его именемъ!

Саларино.

Ну, оканчивай же.

Саланіо.

Г-мъ!—Что ты говоришь?—Ну, конецъ тотъ, что онъ лишился корабля.

Саларино.

Я желалъ бы, чтобъ это было концемъ потерь его.

Саланіо.

Дай скажу я кстати: *аминь*! чтобы дьяволъ не перешелъ дороги моей молитвѣ; ибо онъ, вотъ, идетъ сюда въ образѣ Жида.

(Входитъ Шейлокъ.)

Ну, что, Шейлокъ? Что новаго между купцами?

Шейлокъ.

Вы знали, — никто такъ хорошо, никто такъ хорошо, какъ вы,—что дочь моя ушла.

Саларино.

Точно такъ. Я, съ моей стороны, зналъ портнаго, сшившаго ей крылья, на которыхъ она улетѣла.

Саланіо.

А Шейлокъ, съ своей стороны, зналъ, что она была ужъ на подлетѣ; а въ эту пору онѣ вѣдь такъ и смотрятъ, чтобъ оставить гнѣздышко.

Шейлокъ.

Она проклята за это!

Саларино.

Безъ всякаго сомнѣнія, если дьяволъ будетъ ея судьею.

Шейлокъ.

Моя собственная плоть и кровь бунтуетъ!

Саланіо.

Тьфу ты! старое падалище бунтуетъ въ такихъ лѣтахъ?

Шейлокъ.

Я говорю, моя дочь есть плоть моя и кровь.

Саларино.

Между твоею плотью и ея больше разницы, чѣмъ между чернымъ деревомъ и слоновой костью; между вашею кровью — больше нежели между краснымъ виномъ и Рейнскимъ. — Но скажи намъ, если ты слышалъ: потерпѣлъ ли Антоніо какую потерю на морѣ, или нѣтъ?

Шейлокъ.

Вотъ мнѣ еще другія тутъ хлопоты. Банкрутъ, расточитель, который едва осмѣливается показывать глаза въ Ріальто; — нищій, который выхаживалъ такимъ щеголемъ на площадь. Пускай лишь не забываетъ онъ своего векселя! Онъ все называлъ меня ростовщикомъ. Пускай лишь не забываетъ онъ своего векселя! Онъ давалъ взаймы деньги изъ Христіанскаго человѣколюбія. Пускай лишь не забываетъ онъ своего векселя!

Саларино.

Ну, я увѣренъ, если онъ не устоитъ, ты не возмешь его тѣла. На что оно годно?

Шейлокъ.

Ловить имъ рыбу. Если оно не будетъ питать

ничего другаго, такъ будетъ питать мое мщеніе. Онъ обезчестилъ меня, и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмилліона; смѣялся при моихъ потеряхъ, насмѣхался надъ моими барышами, поносилъ нашъ народъ, вредилъ моей торговлѣ, охлаждалъ моихъ друзей, поджигалъ моихъ непріятелей. И за что же это? Я Жидъ! Да развѣ у Жида глазъ нѣтъ? Развѣ у Жида нѣтъ рукъ, òргановъ, членовъ, чувствъ, желаній, страстей? Не питается ли онъ тою же самою пищей? Не терпитъ ли ранъ отъ того же оружія? Не подверженъ ли тѣмъ же болѣзнямъ? Не лечится ли тѣми же лекарствами? Не грѣется ли тѣмъ же лѣтомъ, и не зябнетъ ли отъ той же зимы, какъ и Христіанинъ? — Когда колешь насъ, развѣ нейдетъ кровь? Когда щекочешь насъ, развѣ мы не смѣемся? Когда намъ дашь яду, развѣ мы не умираемъ? И когда обижаешь насъ, развѣ мы не должны мстить? Если мы подобны вамъ во всемъ прочемъ, такъ мы хотимъ быть подобными вамъ и въ этомъ. Когда Жидъ обижаетъ Христіанина, что̀ тогда дѣлаетъ его смиреніе? Мститъ! Когда Христіанинъ обижаетъ Жида, что̀ тогда должно дѣлать его терпѣніе, по примѣру Христіанъ? Ну, мстить! Я буду дѣлать подлости, которымъ вы меня учите, и во чтобы ни стало, я превзойду учителей!

(Входитъ слуга.)

Слуга.

Джентлемены, Милордъ Антоніо теперь дома, и желаетъ поговорить съ вами.

Саларино.

Мы вездѣ искали его.

(Входитъ Тубалъ.)

Саланіо.

Вотъ идетъ другой изъ этого колѣна; третьяго къ нимъ ужъ никакъ не подберешь, если самъ Сатана не обратится въ Жида.

(Саланіо, Саларино и слуга уходятъ.)

Шейлокъ.

Ну, что, Тубалъ? Что новаго изъ Генуи? Нашелъ ли ты дочь мою?

Тубалъ.

Я часто приходилъ туда, гдѣ слышалъ о ней, но найти ее не могъ.

Шейлокъ.

Ну, такъ, такъ, такъ, такъ! Пропалъ алмазъ! Стоитъ мнѣ двѣ тысячи червонцевъ во Франкфуртѣ! Проклятіе до сихъ поръ еще не падало на нашъ народъ; я только теперь оное чувствую.

Двѣ тысячи червонцевъ въ этомъ! А другіе драгоцѣнные, драгоцѣнные камни!! Лучше бы дочь моя лежала мертвая у ногъ моихъ, но только съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ! Лучше бы я видѣлъ ее на смертномъ одрѣ у ногъ моихъ, но только чтобъ червонцы были въ ея гробѣ! Ничего о нихъ не слышно? — Ну, такъ! — Да я еще не знаю, сколько истрачено на поискъ! — Ну! Убытокъ за убыткомъ! Воръ столько унесъ, и столько надобно, чтобъ найти вора! И никакого удовлетворенія, отмщенія! Нѣтъ никакихъ несчастій, кромѣ тѣхъ, кои упадаютъ на мои плеча; — никакихъ вздоховъ, кромѣ моихъ; — никакихъ слезъ, кромѣ тѣхъ, кои я лью!

Т у б а л ъ.

Нѣтъ, и другіе люди также терпятъ несчастіе; — Антоніо, какъ я слышалъ, въ Генуѣ, —

Ш е й л о к ъ.

Что, что, что? Несчастіе, несчастіе??

Т у б а л ъ.

Лишился корабля, который шелъ изъ Триполя.

Ш е й л о к ъ.

Слава Богу, слава Богу! Да правда ли? Правда ли?

Т у б а л ъ.

Я говорилъ съ нѣкоторыми изъ матросовъ, спасшихся отъ этого кораблекрушенія.

Ш е й л о к ъ.

Благодарю тебя, добрый Тубалъ : — хорошія новости, хорошія новости : ха, ха! Гдѣ? въ Генуѣ?

Т у б а л ъ.

Дочь ваша истратила въ Генуѣ, какъ я слышалъ, восемьдесятъ червонцевъ въ одну ночь.

Ш е й л о к ъ.

Ты вонзаешь въ меня кинжалъ! — Я никогда не увижу опять моихъ денегъ! Восемьдесятъ червонцевъ въ одну ночь! Восемьдесятъ червонцевъ!

Т у б а л ъ.

Со мною вмѣстѣ ѣхали въ Венецію нѣкоторые изъ вѣрителей Антоніо; — они клялись, что ему больше нечего дѣлать, какъ объявить себя банкрутомъ.

Ш е й л о к ъ.

Я очень радъ этому! Помучу я его! Потерзаю я его! Я очень радъ этому!

Тубалъ.

Одинъ изъ нихъ показывалъ мнѣ перстень, который онъ получилъ отъ вашей дочери за обезьянку.

Шейлокъ.

Погибель на нее! Ты меня терзаешь, Тубалъ! Это бирюза — драгоцѣнный камень. Я получилъ его отъ Леаги, когда еще былъ холостымъ: я бъ не отдалъ его за цѣлую степь обезьянокъ!

Тубалъ.

Только Антоніо навѣрно разорился.

Шейлокъ.

Точно такъ! Это вѣрно, это вѣрно! — Поди, Тубалъ, найми мнѣ чиновника; приговори за двѣ недѣли впередъ! — Я возму у него сердце, если онъ не уплатитъ; ибо, если его не будетъ въ Венеціи, то я буду такъ торговать, какъ хочу. Иди, иди, Тубалъ; а потомъ ищи меня въ нашей Синагогѣ; иди, добрый Тубалъ; — въ нашей Синагогѣ, Тубалъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ : Бассаніо, Порція, Граціано, Нерисса *и свита. Выставлены ящики.*

Порція.

Прошу васъ, не спѣшите; обождите
День, или два, пока рѣшитесь; ибо,
Возмете вы не то, — я не могу
Тогда быть вашей; для того, не много
Повремените. Что́-то говоритъ мнѣ,
(Но только не любовь), что не хотѣла бъ
Я васъ лишиться; а извѣстно то
Самимъ вамъ, что вѣдь ненависть намъ такъ
Совѣтовать не станетъ. Я, съ той цѣлью,
Чтобъ вы меня не поняли превратно, —
(Хоть въ дѣвушкѣ языкъ и мысль — одно)
Желала бы здѣсь васъ поудержать,
На мѣсяцъ, или на два, прежде, чѣмъ
На выборъ вы рѣшитесь. Я могла бъ
Васъ научить, какъ выбрать; но чрезъ это
Нарушила бъ я клятву. Никогда
Преступницей такою я не буду,
Хоть въ выборѣ меня вы ошибетесь. —
О, если такъ, — заставлена я буду

Тѣмъ возыметъ преступное желанье,
Что лучше бъ было мнѣ нарушить клятву. —
Проклятый взоръ! Вы сглазили меня,
На части подѣлили: половиной
Одной себя — я ваша; ваша я —
Другой, своя — хотѣла я сказать;
Но если и своя, то все же ваша;
И такъ вся ваша. О, мнѣ это время
Коварное! Оно кладетъ преграду
Между владѣльцами и ихъ правами.
Инакъ, и ва̂ша, и не ваша. Если
Случится это — Счастью адъ, не мнѣ. (30)
Я слишкомъ долго говорю; но это, —
Чтобъ выиграть намъ время, расширить
И продолжить его, — съ тѣмъ, чтобы вы
Избраньемъ не спѣшили.

БАССАНІО.

О, позвольте
Мнѣ сдѣлать выборъ: безъ того, живу
На пыткѣ я.

ПОРЦІЯ.

Бассаніо, какъ на пыткѣ?
Такъ вы откройте же измѣну мнѣ,
Которая въ любовь вмѣшалась вашу.

Бассаніо.

Ужасная измѣна та — сомнѣнье,
Узнаю ль наслажденье я любви.
Такъ можетъ жить огонь со снѣгомъ въ дружбѣ,
Какъ можетъ жить любовь моя съ измѣной!

Порція.

Такъ; но, — боюсь я, — говорите вы
На пыткѣ, гдѣ *что-либо* говорить
Принуждены бываютъ.

Бассаніо.

Обѣщайте
Мнѣ жизнь, и я вамъ въ истинѣ признаюсь.

Порція.

Ну, хорошо! Признаться вамъ — и жить!

Бассаніо.

Признаться и любить — вотъ въ чемъ вся сущность
Признанья. О счастливое мученье,
Когда меня самъ учитъ мой мучитель,
Какъ отвѣчать, чтобы освободиться! —
Но къ счастью, къ ящикамъ меня ведите!

Порція.

Пойдемъ! Я заперта въ одномъ изъ нихъ.
Когда вы любите меня, найдете. —

Нерисса и другіе — стать поодаль! —
Пусть музыка играетъ при избраньи.
Пусть, не узнавъ, какъ лебедь онъ умретъ,
Томяся съ музыкой; а для сравненья
Полнѣйшаго, глаза мои — рѣка,
Постеля смерти. Выиграетъ онъ:
Какая музыка тогда? Тогда
Она подобна будетъ клику, съ коимъ
Вѣрноподвластные свое склоняютъ
Чело ново-вѣнчанному Монарху; —
Подобна тѣмъ пріятнымъ звукамъ, кои
Въ слухъ жениха, вздремавшій на зарѣ,
Тѣснятся, и его зовутъ ко браку.
Вотъ онъ идетъ, не съ меньшимъ духомъ, съ бо̀льшей
Любовью, чѣмъ младой Алкидъ, когда
Освобождалъ онъ плачущую Трою
Отъ дани дѣвъ чудовищу пучины.
Какъ жертва, я стою; вдали, другія,
Дарданскія, съ лицемъ печальнымъ, жены
Подходятъ — видѣть окончанье дѣла.
Иди, Алкидъ! Живи ты, я живу!
Смотря на бой, страшнѣйшее волненье
Я чувствую, чѣмъ ты, идя въ сраженье.

(Музыка, межъ тѣмъ какъ Бассаніо разсуждаетъ самъ съ собою надъ ящиками.)

Пѣсня.

Гдѣ, скажи, любовь родится?

Въ сердцѣ ль, въ головѣ ль таится?
Какъ плодится, чѣмъ крѣпится?

Отвѣтъ.

Одинъ взоръ ее рождаетъ,
Частый взглядъ ее питаетъ, —
Въ колыбели умираетъ (31).
Ну-те смертный ей трезвонъ!
Я начну вамъ, — динь, динь, донъ!

Всѣ.

Динь, динь, донъ!

Бассаніо.

Наружный видъ самъ менѣе себя.
Прикрасой свѣтъ чаруется отъ вѣка.
Въ судѣ, гдѣ есть столь лживый, подкупной
Процессъ, чтобы, приправленъ бывши рѣчью
Пріятною, не закрывалъ злыхъ дѣлъ?
Въ религіи, глѣ столь проклятый грѣхъ,
Котораго бъ мужъ не одобрилъ важный,
И текстомъ бы не подтвердилъ, въ которомъ
Безуміе подъ краснымъ словомъ скрыто?
Порока нѣтъ столь глупаго, который
Не могъ бы добродѣтели примѣтъ
Показывать въ своихъ частяхъ наружныхъ.
Какъ много трусовъ, коихъ души такъ,
Какъ изъ песку ступени тверды, кои,

Однако жъ, бороды Алкидовъ храбрыхъ
И Марсовъ грозныхъ носятъ; у которыхъ, —
Заглянь имъ внутрь, такъ печень — молоко!
Они вѣдь лишь наружность принимаютъ
Геройствъ, чтобы заставить ихъ страшиться.
Взгляни на красоту, такъ ты увидишь,
Что покупается на вѣсъ она, (32)
И производитъ чудеса въ природѣ,
Тѣхъ *легче* дѣлая, кто *больше* носитъ!
Вотъ золотые локоны волосъ,
Завитые въ змѣю, — которые танцуютъ
Такими рѣзвыми прыжками съ вѣтромъ
На мнимой красотѣ: бываетъ часто,
Что это, просто, головы другой
Приданое; (33) а черепъ, ихъ питавшій,
Въ могилѣ. Такъ прикраса есть лишь только
Обманчивый морей опасныхъ берегъ,
Красавицы Индѣйской покрывало,
И словомъ, призракъ истины, который
Временъ коварство носитъ для того,
Чтобъ самаго умнѣйшаго дурачить! —
И такъ, сіяющее злато, пища
Тяжелая Мидаса, не хочу
Тебя! Но и тебя я не хочу,
Ты, блѣдный, низкій поденыцикъ людей!
Но ты, ты, непоказный мой свинецъ, —
Хоть больше ты грозишь, чѣмъ обѣщаешь, —

Но простотой ты говоришь сильнѣй.
Ты мой! Я предаюсь судьбѣ моей!

Порція.

Какъ всѣ другія страсти скрылись вдругъ!
Сомнѣнія, отчаянья недугъ,
Трясущій страхъ, больное подозрѣнье.
О, удержи, любовь, свое стремленье!
Умѣрь восторги райскіе души,
Блаженной слишкомъ! Радость уменьши!
А то подъ тяжестью я упаду.

Бассаніо.

(Открываетъ свинцовый ящикъ.)

Что нахожу я здѣсь? Изображенье
Прекрасной Порціи? Какой полбогъ
Когда либо такъ близко былъ къ творенью (34)?
Уже ли движутся сіи глаза?
Иль, по зрачкамъ моимъ они катаясь,
Лишь кажутся въ движеньи для меня?
Вотъ губки, межъ собой подѣлены,
И сахарнымъ дыханіемъ разжаты; —
Преградѣ (35) сей прилично быть межъ столь
Сердечными друзьями. — Въ волосахъ,
Роль паука (36) играетъ живописецъ.
Онъ сѣти сплелъ изъ золота, ловить
Сердца людей, гораздо крѣпче, чѣмъ
Какъ въ паутину комаровъ. А глазки

Ея! Какъ могъ онъ видѣть, чтобъ ихъ сдѣлать?
Одинъ лишь будь оконченъ, такъ я мыслю,
Онъ тотчасъ бы похитилъ у него
Глаза, а самъ остался бъ одинокимъ!
Но посмотрите! Сколько существо
Моей хвалы поноситъ эту тѣнь,
Оцѣнивая ниже, столько тѣнь
Отстала далеко отъ существа.
Вотъ содержанье счастья моего!

Вы на внѣшность не взирали;
Въ разъ рѣшились, угадали;
Счастье ваше отыскали;
Чтобъ другаго жъ не желали!
Это счастье берегите,
Коль цѣнить его хотите;
Къ Леди вашей подойдите,
Поцѣлуя попросите.

О, свертточекъ!
Прошу жь меня въ томъ, Леди, извинить.

(Цѣлуетъ ее.)

Бумаги смыслъ: отдать, и получить. —
Какъ тотъ боецъ, что изъ награды бился,
Съ другимъ кѣмъ, думая, что отличился, —
Торжественный кликъ слыша одобренья,
Стоитъ, исполненный недоумѣнья,
Не вѣритъ самъ, ему ль хвалы той громъ:
Я, Леди, въ положеньи таковомъ;

Не знаю, правда ль, что̀ мой видитъ глазъ.
Пока не подтвердится то отъ васъ.

Порція.

Вотъ, здѣсь я, Лордъ Бассаніо, такъ какъ есмъ.
Себѣ одной, имѣть я не желала бъ
Тщеславнаго желанья — лучшей быть;
Для васъ же, я желала бъ двадцать разъ
Себя утроить; въ тысячу еще
Быть разъ прекраснѣй и богаче.
Чтобъ высоко стоять на вашемъ счетѣ,
Желала бъ я красотъ, богатствъ, достоинствъ,
Друзей — не знать и счету. Впрочемъ,
Я, въ полной суммѣ, сумма кой-чего.
Въ итогѣ : я дѣвица безъ ученья;
Ни въ школѣ я, ни въ свѣтѣ не была;
Счастлива, что учиться не стара;
Счастливѣе жъ, что рождена не такъ,
Тупой, чтобы учиться не могла;
Еще жъ счастливѣе, что мягкій нравъ
Мой вамъ себя подъ власть передаетъ,
Какъ Лорду, повелителю, Царю.
Я и мое — вамъ! Ваше все теперь.
Лишь вотъ была я Леди въ этомъ домѣ,
Слугъ госпожей, самой себя царицей,
И, вотъ, сію минуту домъ сей, слуги,
И я сама — все вамъ, Милордъ. Я все
Даю вамъ съ перстнемъ симъ, который если

Вы потеряете, иль отдадите, —
Знакъ будетъ то любви паденья вашей,
И право для меня — роптать на васъ.

Бассанio.

Миледи, вы всѣхъ словъ меня лишили.
Лишь кровь изъ жилъ моихъ вамъ говоритъ.
Всѣ силы у меня въ такомъ смятеньи,
Въ какое вдругъ приходитъ послѣ рѣчи,
Прекрасно сказанной любимымъ Принцемъ,
Жужжащая, довольная толпа; —
Гдѣ всякое что-либо, смѣсь составивъ,
Не выражаетъ ничего, — лишь радость,
И явную, и тайную. — Но если
Разстанется съ перстомъ симъ этотъ перстень,
Разстанется тогда съ нимъ жизнь. Тогда,
Скажите смѣло, что Бассанio умеръ.

Нерисса.

Милордъ, и Леди, время намъ теперь,
Желаній нашихъ видѣвъ исполненье,
Сказать: счастливо жить, Милордъ, и Леди!

Грацiано.

Бассанio и вы, добрая Миледи,
Желаю вамъ всѣхъ радостей желанныхъ!
Я мыслю, вы желаете того жъ мнѣ.
И если вы хотите свой союзъ

Торжествовать, что я прошу позволить
Мнѣ самому жениться вмѣстѣ съ вами.

БАССАНІО.

Отъ всей души, коли жену ты сыщешь.

ГРАЦІАНО.

Благодарю! Вы мнѣ ее сыскали.
Мой глазъ, Милордъ, быстръ такъ же, какъ и вашъ:
Вы госпожу нашли, а я служанку.
Любили вы, любилъ и я; отсрочки
Я не хочу знать такъ же, какъ и вы:
На ящикахъ лежало ваше счастье,
Съ нимъ и мое, какъ оказалось: ибо
Здѣсь волочась до вспоту, и клянясь,
Пока отъ клятвъ засохло горло, я
Потомъ (когда *потомъ* при обѣщаньяхъ
Подъ-стать) взялъ обѣщанье вотъ отъ этой
Красавицы — имѣть ея любовь,
Однако жъ съ тѣмъ, когда фортуна ваша
Пріобрѣтетъ вамъ госпожу ея.

ПОРЦІЯ.

Нерисса, правда ль это?

НЕРИССА.

Точно такъ,
Миледи, если то угодно вамъ.

БАССАНІО.

И вы, Граціано, не шутя тѣхъ мыслей?

Граціано.

Да тѣхъ, Милордъ.

Бассаніо.

Нашъ праздникъ скрасится женитьбой вашей.

Граціано.

Но это кто? Лоренцо и его
Язычница? Что, мой Венеціянецъ,
Старинный другъ, Салеріо?

(Входятъ : Лоренцо, Ессика и Салеріо.)

Бассаніо.

Лоренцо и Салеріо, я вамъ радъ,
Когда лишь юность власти здѣсь моей
Имѣетъ право дѣлать вамъ привѣтъ.
Позвольте мнѣ, дражайшая Миледи,
Принять моихъ друзей и земляковъ.

Порція.

Я имъ сама, Милордъ, душевно рада.

Лоренцо.

Благодарю честь вашу. — Я, Милордъ,
Совсѣмъ не думалъ здѣсь увидѣть васъ;
Но встрѣтился нечаянно съ Салеріо,
И онъ меня идти съ нимъ упросилъ.

Салеріо.

Я для того имѣлъ свою причину. —
Синьоръ Антоніо кланяется вамъ.

(Подаетъ письмо Бассаніо.)

Бассаніо.

Но прежде, чѣмъ письмо я это вскрою,
Скажите мнѣ, какъ другъ мой поживаетъ?

Салеріо.

Не боленъ онъ, коль не болитъ душей;
И боленъ онъ, когда душей страдаетъ.
Письмо сіе покажетъ вамъ, каковъ онъ.

Граціано.

Нерисса, обласкай ту иностранку.
Прими ее. — Салеріо, руку вашу!
Что новаго въ Венеціи? Здоровъ ли
Нашъ царственный купецъ, Антоніо добрый?
Я знаю, что порадуется онъ
Успѣху нашему. Язоны мы!
Руно себѣ достали золотое!

Салеріо.

О, еслибъ вы достали то руно,
Которое онъ потерялъ!

Порція.

Проклятое что либо въ той бумагѣ,
Что крадетъ краску такъ съ лица Бассаніо!
Какой нибудь другъ умеръ; а иначе
Ни что на свѣтѣ измѣнять не можетъ
Видъ человѣка съ твердою душей.

Какъ, хуже все и хуже? Да позвольте жъ,
Бассаніо, мнѣ; я половина васъ:
Такъ половина слѣдуетъ и мнѣ
Того, что̀ вамъ письмо приноситъ это.

БАССАНІО.

О Порція! здѣсь нѣсколько есть словъ,
Словъ непріятнѣйшихъ, какія только
Когда либо бумагу очерняли!
Когда я вамъ въ любви моей признался,
Я вамъ сказалъ: мое богатство въ жилахъ,
Я джентльменъ; — и правду вамъ сказалъ я.
Теперь же вы увидите, что ставя
Себя ни въ что, какой я былъ хвастунъ!
Когда я вамъ сказалъ, что у меня
Нѣтъ *ничего*, — я долженъ бы сказать,
Что меньше я еще, чѣмъ *ничего*.
У друга моего заемъ я сдѣлалъ,
Заставивъ друга — сдѣлать у врага,
Чтобъ пособить мнѣ. Вотъ письмо, Миледи.
Бу̀мага эта то жъ, что́ тѣло друга,
А слово каждое на ней, что́ рана
Открытая, точащая кровь жизни.
Но вѣрно ль то, Салеріо, что его
Не удались всѣ предпріятья? Какъ?
И ни одно? Изъ Мексики, Триполя,
Изъ Англіи, владѣній Варварійскихъ,
Изъ Лиссабона и Индѣйскихъ странъ?

И ни одинъ корабль не избѣжалъ
Ужаснаго прикосновенья камней,
Враждебныхъ торговцамъ?

САЛЕРІО.

Да, ни одинъ,
Милордъ. Притомъ увидите, что если
Наличную онъ и имѣетъ сумму,
Чтобъ заплатить Жиду, — Жидъ не возметъ.
Не видывалъ я отъ рожденья твари,
Которая, нося видъ человѣка,
Алкала бы — губить такъ человѣка!
И день и ночь онъ Герцога тревожитъ;
Республики свободу обвиняетъ,
Когда ему въ Судѣ откажутъ. Двадцать
Купцовъ, Суда почетнѣйшіе Члены,
И Герцогъ самъ — склонить его хотѣли:
Никто не могъ отговорить его
Отъ тяжбы и взысканья по бумагѣ!

ЕССИКА.

Когда еще я у него была, —
Онъ клялся землякамъ своимъ: Тубалу
И Хусу, что скорѣй возметъ онъ тѣло
Антоніо, нежель двадцать разъ ту сумму,
Которую онъ занялъ у него.
И я увѣрена, Милордъ, что если

Законъ, власть, сила не откажутъ,
Придется худо бѣдному Антоніо.

Порція.

Въ такомъ вашъ другъ безцѣнный затрудненьи?!

Бассаніо.

Безцѣннѣйшій другъ, человѣкъ добрѣйшій,
Честнѣйшій, и неутомимый въ томъ,
Чтобъ одолжать; — одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ
Честь Римская является яснѣй,
Чѣмъ въ комъ, кто живъ подъ Италійскимъ небомъ.

Порція.

Какъ велика та сумма, что̀ онъ занялъ?

Бассаніо.

Три тысячи червонцевъ, для меня.

Порція.

Не больше? Шесть ему отдайте тысячь,
И уничтожьте долгъ! Удвойте разъ
Еще шесть тысячь, и утройте это,
Чтобъ во̀лоса не потерялъ такой
Другъ за вину Бассаніо! Но сперва,
Со мною въ храмъ подите, и меня
Женою назовите; а потомъ
Въ Венецію, къ Антоніо, другу: ибо

Въ объятьяхъ Порціи вы не должны
Покоиться съ душею безпокойной.
Вы будете имѣть, для платы долга
Пустаго, денегъ — въ двадцать больше разъ!
Отдавъ его, съ собой возмите друга.
Мы жъ, между тѣмъ, съ Нериссой будемъ жить
Какъ дѣвушки и вдовы. До свиданья.
Вамъ надо въ путь — въ день бракосочетанья.
Друзьямъ поклонъ, а вамъ — быть веселѣй!
Бывъ *дорогъ* мнѣ, тѣмъ будете милѣй —
Однако же позвольте мнѣ послушать
Письма отъ друга.

БАССАНІО

(Читаетъ.)

« *Любезный Бассаніо! Всѣ мои корабли погибли, вѣрители мои дѣлаются неумолимыми, состояніе мое въ крайности, мой вексель Жиду просроченъ, и, поелику, уплативъ ему, я не могу остаться въ живыхъ, то всѣ долги между мною и вами уничтожатся, если только я буду видѣть васъ при моей смерти. Не смотря на то, наслаждайтесь. Если ваша любовь не совѣтуетъ вамъ ѣхать, такъ пусть и письмо мое не совѣтуетъ.* »

ПОРЦІЯ.

О милый! все оставь, и поѣзжай!

Бассаніо.

Отправясь въ путь, за вашимъ позволеньемъ,
Я поспѣшу : но прежде возвращенья,
Постели не помну отдохновеньемъ ; —
Сонъ между насъ не вставитъ раздѣленья.
(Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Венеція. Улица.

Входятъ : Шейлокъ, Саланіо, Антоніо *и темничный стражъ.*

Шейлокъ.

Стражъ, ты смотри за нимъ! — Не говори
О милости мнѣ. — Это тотъ дуракъ,
Что̀ деньги безъ процента отдаетъ.
Стражъ, ты смотри за нимъ.

Антоніо.

Послушай, добрый
Шейлокъ!

Шейлокъ.

Хочу уплаты! Ты ни слова
Противу векселя не говори.

Ты звалъ меня собакой, безъ причины.
Собака, такъ зубовъ моихъ ты бойся!
Мнѣ Герцогъ долженъ сдѣлать все по правдѣ.
Дивлюсь тебѣ я, ты, негодный стражъ;
Выходишь съ нимъ, какъ онъ тебя попроситъ.

Антоніо.

Но сдѣлай милость, выслушай меня!

Шейлокъ.

Хочу по векселю уплаты я; тебя жъ
Выслушивать я не хочу! Такъ ты
Не говори мнѣ больше! Не хочу
Я быть смиренномудрымъ дуракомъ,
Своею головой качать, смягчаться
Да воздыхать, и слушать христіанскихъ
Просителей. За мною не ходи!
Не говори! Хочу своей уплаты!

(Уходитъ.)

Саланіо.

Да это злѣйшая изъ всѣхъ собака,
Какія лишь живали у людей.

Антоніо.

Пускай его идетъ. Ходить за нимъ
Съ безплодной просьбой больше я не буду.
Моей онъ ищетъ жизни; мнѣ извѣстна

Тому причина : часто избавлялъ
Отъ неустойки я предъ нимъ, тѣхъ, кои
Мнѣ приносили жалобы во время.
За это онъ меня и ненавидитъ.

Саланіо.

Увѣренъ я, что Герцогъ никогда
Не согласится на законность платы.

Антоніо.

Закона Герцогъ удержать не можетъ.
Удобство то, какое иностранцы
Въ Венеціи имѣютъ, — если въ немъ
Имъ отказать, — падетъ вина на право
Республики ; а вѣдь торговля въ ней
И выгоды въ рукахъ у всѣхъ народовъ.
Итакъ, пойдемъ. Печали и потери
Всѣ эти такъ измучили меня,
Что я едвалъ фунтъ тѣла сберегу
На-завтра кровопійцѣ-кредитору. —
Ну, стражъ, пойдемъ! Дай Богъ лишь, чтобъ Бассаніо
Пришелъ увидѣть, какъ я буду долгъ
Его платить ; тогда — я и спокоенъ !

(Уходитъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ : Порція, Нерисса, Лоренцо, Essика *и* Балтазаръ.

Лоренцо.

Миледи, хоть въ глаза вамъ говорю,
Вы благодарно мыслите о дружбѣ
Богоподобной ; — доказательство тому :
Вы такъ разлуку сносите съ Милордомъ.
Но, если бъ знали вы, кому такую
Вы дѣлаете честь ; какъ благороденъ
Тотъ джентлеменъ, кому послали помощь ;
Какъ онъ привязанъ къ вашему супругу :
То вы бъ еще гордились дѣломъ больше,
Чѣмъ доброта обычная велитъ вамъ.

Порція.

О сдѣланномъ добрѣ я не жалѣла,
Не буду и жалѣть. Друзья, которыхъ
Вы видите все время вмѣстѣ ; коихъ
Сердца несутъ одинъ яремъ любви, —
Должны имѣть, конечно, сообразность
Въ своихъ чертахъ, поступкахъ и душахъ.
По этому, я мыслю, что Антоніо,
Сердечнымъ другомъ будучи Милорду,

Похожъ, навѣрно, на Милорда. Если
То такъ, — какъ незначительна издержка
На выкупъ образа *моей души*
Изъ рукъ у адскаго ожесточенья!
Но это ужс подходитъ къ самохвальству:
И для того о томъ ни слова больше.
Послушайте другое. Вамъ, Лоренцо,
Вручаю я въ моемъ хозяйство домѣ,
Пока Милордъ пріѣдетъ; а сама
Я сдѣлала обѣтъ предъ Небомъ тайный —
Въ молитвѣ жить и размышленьи,
Съ одною лишь Периссою моей,
До тѣхъ поръ, какъ мужья къ намъ возвратятся.
Отселѣ есть въ двухъ миляхъ монастырь:
Тамъ будемъ мы съ ней жить. Я васъ прошу
Не отказать мнѣ въ этомъ порученьи,
Которое моя любовь и нужда
Особая на васъ теперь кладутъ.

Лоренцо.

Отъ всей души, Миледи. Я во всемъ
Повиноваться буду вашей волѣ.

Порція.

Намѣренье мое слугамъ извѣстно;
И съ Ессикою васъ они признаютъ
Такъ какъ Бассаніо Лорда, и меня.
Итакъ прощайте, до свиданья!

Лоренцо.

Веселыхъ думъ и счастливыхъ часовъ
Желаю вамъ.

Ессика.

Желаю вамъ, Миледи,
Сердечныхъ всѣхъ отрадъ.

Порція.

Благодарю
Васъ за желанья ваши, и охотно
Желаю вамъ того жъ. — Прощайте, Ессика.

(Ессика и Лоренцо уходятъ.)

Ну, Балтазаръ!
Какъ я всегда считала честнымъ, вѣрнымъ
Тебя, такъ будь всегда и впредь такимъ; —
Возми письмо вотъ, и скорѣй, какъ можно,
Ступай ты въ Падуу; — доставь его
Тамъ лично брату, доктору Белларіо,
И если онъ тебѣ бумаги дастъ
Какія, или платье, такъ доставь,
Смотри, ихъ поскорѣй, какъ только можно,
Для перевоза съ судномъ тѣмъ, что ходитъ
Въ Венецію. Часовъ не трать въ словахъ;
Ступай! Я до тебя туда пріѣду.

Балтазаръ.

Съ возможною поспѣшностью, Миледи.

(Уходитъ.)

Порція.

Пойдемъ, Нерисса. Я имѣю дѣло
Одно, о коемъ ты еще не знаешь:
Мужьевъ своихъ вѣдь мы увидимъ прежде,
Чѣмъ имъ на умъ придетъ.

Нерисса.

Но и они
Вѣдь насъ увидятъ?

Порція.

Да, должны, Нерисса,
Въ такомъ лишь платьѣ, что казаться будетъ
Имъ, будто мы не женщины. Я бьюсь
Съ тобою объ закладъ, что если мы
Надѣнемъ платье молодыхъ мужчинъ,
То лучшій молодецъ изъ двухъ — я выйду.
Я буду свой кинжалъ носить отважнѣй,
И говорить такъ, какъ при переходѣ
Отъ мальчика къ мужчинѣ, — полуба́сомъ;
А дробные два ша́га измѣню
Въ мужскую поступь, — буду говорить
О поединкахъ, какъ хвастливый щеголь, —
Разсказывать прекрасныя лжи, какъ
Почтенныя Миледи волочились
За мной; — я имъ не отвѣчалъ; — онѣ
Больными дѣлались, и умирали; —

Не льзя же было мнѣ; — но я жалѣлъ,
Желалъ по крайней мѣрѣ, чтобъ не я
Причиной былъ ихъ смерти роковой; —
И двадцать лжей подобныхъ говорить
Такъ, что иной дастъ клятву, будто я
Ужъ больше году, какъ изъ школы вышелъ.
Я знаю тысячи нарядныхъ плутней
Хвастливыхъ этихъ Джаксовъ; и хочу
Все это показать на дѣлѣ.

Нерисса.

Какъ!
Въ мущинъ должны мы обратиться?

Порція.

Тьфу!
Что за вопросъ? Какъ будто близъ тебя
Похабный переводчикъ! — Ну, пойдемъ же!
Я разскажу тебѣ весь планъ свой, сѣвъ
Въ коляску, ждетъ которая насъ подлѣ
Калитки сада. — Мы не можемъ медлить:
Вѣдь двадцать миль намъ надобно измѣрить.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

То же. Садъ.

Входятъ : Ланселотъ *и* Ессика.

Ланселотъ.

Да; истинно; — ибо, вотъ видите, грѣхи отца должны слагаться на дѣтей; — потому-то, я говорю вамъ, что боюсь за васъ. Я никогда не скрывалъ отъ васъ ничего, и теперь такъ же говорю вамъ, что меня это безпокоитъ. Такъ не печальтесь же; ибо, истинно, я думаю, что быть вамъ въ адѣ. Тутъ есть одна только надежда, которая можетъ вамъ быть нѣсколько въ пользу; но только это родъ незаконнорожденной надежды.

Ессика.

Какая жъ это надежда? Скажи пожалуй-ста.

Ланселотъ.

Ну, да! Вы можете отчасти надѣяться, что отецъ вашъ не производилъ васъ на свѣтъ, — что вы не Жидовская дочь.

Ессика.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ бы родъ незаконно-

рожденной надежды; — такъ грѣхи моей матери взыщутся на мнѣ!

Лансеnотъ.

Въ правду! Ну, вамъ чуть ли не достанется сидѣть въ адѣ и по отцу, и по матери: такимъ образомъ, я, избѣгая Сциллы, отца вашего, попадаю въ Харибду — вашу мать. Ну! вамъ съ обѣихъ сторонъ бѣда.

Ессика.

Я буду спасена черезъ мужа; онъ меня сдѣлалъ Христіанкой.

Ланселотъ.

По правдѣ сказать, тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ брани. Насъ, Христіанъ, и прежде было довольно: именно столько, чтобъ хорошо жить одинъ подлѣ другаго. Это дѣланіе Христіанами возвыситъ цѣну на свиное мясо. Если мы всѣ станемъ ѣсть поросятъ, такъ скоро за деньги не будемъ видѣть ни одного куска ветчины на угляхъ.

(Входитъ Лоренцо.)

Ессика.

Я скажу своему мужу, Ланселотъ, что говоришь ты. Вотъ онъ идетъ.

Лоренцо.

Я скоро стану ревновать къ тебѣ, Ланселотъ, если ты съ моей женой будешь такъ шушукать по угламъ.

Ессика.

О, вамъ нечего бояться, Лоренцо! Мы разладили съ Ланселотомъ; — онъ говоритъ мнѣ прямо, что мнѣ нѣтъ прощенья на небесахъ, потому что я дочь Жида; и говоритъ еще, что вы не хорошій членъ общества, потому что, обращая Жидовъ къ Христіанству, возвышаете цѣну на свиное мясо.

Лоренцо.

Мнѣ легче будетъ отвѣчать за это обществу, нежели тебѣ за...

Ланселотъ.

Это ужъ слишкомъ, если Негритянка должна быть больше, нежели слѣдуетъ: но если она меньше, нежели честная женщина, то она, конечно, больше, нежели за что я почиталъ ее. (38)

Лоренцо.

Какъ всякій дуракъ можетъ играть словомъ! Я думаю, что лучшая прелесть остроты скоро обратится въ молчаніе, и разговаривать не будетъ прилично никому, кромѣ

попугаевъ. — Ступай въ комнаты; прикажи имъ готовиться къ обѣду!

ЛАНСЕЛОТЪ.

Это уже сдѣлано, Сиръ: они всѣ съ желудками.

ЛОРЕНЦО.

Ахъ, Богъ мой! Какой остpякъ! Такъ прикажи имъ — готовить обѣдъ.

ЛАНСЕЛОТЪ.

И это уже сдѣлано, Сиръ; остается только накрыть столъ.

ЛОРЕНЦО.

Такъ не хочешь ли ты накрывать, Сиръ?

ЛАНСЕЛОТЪ.

Накрываться? Нѣтъ, Сиръ: я знаю свою обязанность. (39)

ЛОРЕНЦО.

Опять привязка къ слову! Не хочешь ли ты все богатство твоего остроумія показать въ одну минуту? Прошу тебя понимать простаго человѣка, по его простому разумѣнію: поди къ своимъ товарищамъ; прикажи имъ накрывать столъ, подавать кушанье, а мы придемъ обѣдать.

Ланселотъ.

Что касается до стола, Сиръ, — онъ будетъ поданъ; что касается до кушанья, Сиръ, оно будетъ накрыто; а что касается до вашего прихода къ обѣду, Сиръ, — ну, это пусть будетъ такъ, какъ вашей милости заблагоразсудится.

(*Уходитъ.*)

Лоренцо.

О драгоцѣнный умъ! Какой сборъ словъ!
Дуракъ на память выучилъ запасъ
Кудрявыхъ словъ. Я многихъ зналъ глупцовъ,
Которые стоятъ на лучшемъ мѣстѣ,
Но слѣплены бывъ такъ, какъ онъ, вредятъ
Они своихъ словъ остротою — дѣлу.—
Какъ, Ессика, ты чувствуешь себя? —
Скажи мнѣ, милая, свое ты мнѣнье,
Какъ нравится тебѣ жена Бассаніо?

Ессика.

Всѣхъ выше выраженій. Долгъ велитъ,
Чтобъ честную жизнь велъ Милордъ Бассаніо.
Блаженство онъ въ своей имѣетъ Леди;
Небесъ отрады на землѣ находитъ;
И если, на землѣ, онъ такъ не мыслитъ,
То никогда не будетъ въ небесахъ.

Когда бъ два бога при игрѣ какой
Небесной, предназначили уплатой
Двѣ женщины какія на землѣ,
И Порція была бъ изъ нихъ одною:
Тогда къ другой еще бы что нибудь
Должно пойти въ придачу; ибо бѣдный
И грубый міръ ей равной не имѣетъ.

Лоренцо.

Такого точно мужа ты во мнѣ
Имѣешь, какова она жена.

Ессика.

Нѣтъ; но спроси ты также у меня
Объ этомъ мнѣнья.

Лоренцо.

Сдѣлаю сей-часъ.
Но мы сперва пойдемъ обѣдать.

Ессика.

Нѣтъ;
Хочу хвалить тебя я натощакъ.

Лоренцо.

Нѣтъ! то пойдетъ въ застольный разговоръ.

Тогда, что̀ ты ни скажешь, все сварю
Я съ прочимъ за-урядъ.

Ессика.

Ну, хорошо:
Я расхвалю тебя.

(*Уходятъ.*)

———

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Венеція. Зала въ Судѣ.

Входятъ : Герцогъ, Сенаторы, Антоніо, Бассаніо, Граціано, Саларино, Саланіо *и другіе.*

Герцогъ.

Ну, что, Антоніо здѣсь?

Антоніо.

Здѣсь, Ваша Свѣтлость.

Герцогъ.

Мнѣ жаль тебя : пришелъ ты отвѣчать
Истцу безчувственнаго сердца, — твари
Жестокой. Жалости не знаетъ онъ;
Нѣтъ ни одной въ немъ капли состраданья.

Антоніо.

Я слышалъ, Ваша Свѣтлость много взяли
Труда смягчать его ожесточенье.

Но если онъ неумолимъ, и нѣтъ
Законныхъ средствъ — освободить меня,
Я ставлю противъ лютости его
Свое терпѣнье, и вооруженъ —
Снести съ спокойнымъ духомъ всю жестокость
И бѣшенство его.

Герцогъ.

Подите кто, Жида въ Судъ позовите.

Саланіо.

Онъ у двери стоитъ : вотъ и идетъ.

(Входитъ Шейлокъ.)

Герцогъ.

Дать мѣсто! Пусть онъ станетъ подлѣ насъ.
Шейлокъ, всѣ думаютъ, и я такъ мыслю,
Что эту злость твою продлить ты хочешь
Лишь до развязки дѣла; а потомъ
Окажешь, вѣроятно, состраданье,
Насъ больше изумивъ тѣмъ, чѣмъ симъ звѣрствомъ;
И межъ тѣмъ, какъ теперь уплаты ищешь,
(Она есть отъ сего купца — фунтъ тѣла), —
Не только ты оставишь неустойку,
Но, тронутый, какъ человѣкъ, любовью,
Простишь еще и суммы половину,
Взоръ жалости на нѣ потери бросивъ,
Которыя недавно онъ понесъ;

Которыхъ ужъ довольно для того,
Чтобъ царственнаго (40) уронить купца,
И сострадание къ нему исторгнуть
Изъ каменныхъ, безчувственныхъ сердецъ, —
Изъ Турковъ непреклонныхъ и Татаръ,
Къ людолюбивости непріученныхъ.
Мы ждемъ пріятнаго отвѣта, Жидъ.

Шейлокъ.

Я Вашу Свѣтлость ужъ предупредилъ,
Чего хочу, и нашею святою
Субботою поклялся — получить
По векселю. Откажете вы въ этомъ, —
Подвергнете опасности права
И вольности республики своей...
Вы спросите меня : зачѣмъ хочу
Я лучше взять смердящаго фунтъ тѣла,
Чѣмъ получить три тысячи червонцевъ?
На это отвѣчать я не хочу;
Скажу лишь : такъ угодно мнѣ. Отвѣтъ?
Что, если мой домъ безпокоитъ крыса,
И я хочу три тысячи червонцевъ
Отдать, чтобы ее мнѣ отравили? —
Ну, что, отвѣтъ ли это? — Есть, иные,
Съ открытымъ ртомъ не любятъ поросенка;
Другіе бѣсятся, увидѣвъ кошку;
Иные же, ... если
Гугнявая волынка заиграетъ.

Вѣдь симпатія, страсти госпожа,
Ей правитъ чрезъ любовь иль отвращенье.
Теперь отвѣтъ: какъ видимой причины
Нельзя представить, почему одинъ,
Съ открытымъ ртомъ не любитъ поросенка,
Другой — безвредной, нужной кошки, — третій —
Надувшейся волынки, но, невольно,
Неизбѣжимому подверженъ сраму,
Обидному другимъ и самому:
Такъ я причины не могу представить,
И не хочу, другой, кромѣ заклятой
Лишь ненависти и вражды
Къ Антоніо: вотъ съ чего я и ищу
На немъ того, что мнѣ въ убытокъ служитъ.
Отвѣтъ ли это вамъ?

БАССАНІО.

Нѣтъ, не отвѣтъ,
Безсердый человѣкъ, чтобъ оправдать
Твою жестокость.

ШЕЙЛОКЪ.

Я вѣдь не обязанъ
Тебѣ моимъ отвѣтомъ угождать.

БАССАНІО.

Всѣ ль убиваютъ то, чего не любятъ?

Шейлокъ.

Кто бъ не желалъ убить, что ненавидитъ?

Бассанio.

Обида всякая не есть ужè
И ненависть.

Шейлокъ.

А захотѣлъ бы ты,
Чтобъ змѣй тебя два раза укусилъ?

Антонio.

Припомните, съ Жидомъ вы говорите!
Вы такъ же можете на берегъ стать,
И повелѣть, чтобъ море стало ниже;
Вы такъ же можете спросить у волка,
На что̀ онъ у овцы ягненка отнялъ;
Вы такъ же можете не приказать —
Нагорнымъ соснамъ помавать своими
Вершинами, и не шумѣть, когда
Ихъ раздражаетъ бѣшенство стихiй.
Вы такъ же можете все, что̀ на свѣтѣ
Есть труднаго, — какъ можете, смягчить —
(Что столько трудно?) сердце у Жида.
Итакъ прошу васъ, предложенiй больше
Не дѣлать, не употреблять дальнѣйшихъ
Средствъ, но скорѣй и проще, сколько можно,
Мнѣ сдѣлать приговоръ, Жиду дать волю.

Бассаніо.

На мѣсто трехъ, шесть тысячь вотъ червонцевъ!

Шейлокъ.

Когда бъ въ шести сихъ тысячахъ червонцевъ
Червонецъ каждый шесть частей имѣлъ,
И каждая была бы часть — червонецъ, —
Я все ихъ не взялъ бы : я захотѣлъ бы
По векселю уплаты!

Герцогъ.

Какъ ты можешь
Надѣяться на милость, если самъ
Ее ты не имѣешь?

Шейлокъ.

А какого
Суда бояться мнѣ, когда я правъ?
У васъ есть много купленныхъ рабовъ,
Которыхъ вы такъ точно, какъ ословъ
Своихъ, своихъ собакъ и лошаковъ
Употребляете, для рабскихъ службъ,
За тѣмъ, что вы купили ихъ. Могу ль
Я вамъ сказать : пустите ихъ, на вашихъ
Наслѣдницахъ жените ихъ! Зачѣмъ
Подъ ношами потѣть имъ? Прикажите
Такія жъ мягкія постели имъ
Подѣлать, какъ у васъ, и пусть гортань
Ихъ лакомится съ тѣхъ же блюдъ, какъ ваша.

Вы скажете : рабы вѣдь эти наши.
Ну, такъ и я скажу : фунтъ этотъ тѣла,
Котораго я требую съ него,
Мнѣ стоитъ дорого, есть мой, и я
Хочу имѣть его! Когда вы мнѣ
Откажете, — тьфу вашъ законъ! Въ уставахъ
Венеціи нѣтъ силы ни какой! —
Я жду суда. Скажите, получу ль?

Герцогъ.

Я распустить могу моею властью
Собранье, если правовѣдъ Белларіо,
За коимъ я послалъ, чтобъ это дѣло
Рѣшить, — сегодня не прибудетъ.

Саларино.

Здѣсь
Ждетъ посланный отъ Доктора съ письмомъ,
Пріѣхавшій изъ Падуи недавно.

Герцогъ.

Письмо сюда, и посланнаго съ нимъ!

Бассаніо.

Антоніо, не грусти. Э, не робѣй, другъ.
Пусть Жидъ возметъ мою плоть, кровь съ костьми,
И все; но ты не долженъ за меня
Ни капли крови уронить своей.

Антоніо.

Я зараженная овца изъ стада,
Которой кстати умирать. Чѣмъ плодъ
Слабѣй, тѣмъ раньше падаетъ на землю.
Такъ и со мной пусть будетъ. Ты не можешь,
Бассаніо, больше мнѣ служить, какъ развѣ,
Оставшись жить, надгробіе напишешь.

(Входитъ Нерисса, одѣтая въ платье Адвокатскаго писца.)

Герцогъ.

Изъ Падуи ты прибылъ, отъ Белларіо?

Нерисса.

(Подавая письмо.)

Изъ той, и отъ другаго, Ваша Свѣтлость.
Белларіо кланяется вамъ.

(Шейлокъ точитъ ножъ о свою обувь.)

Бассаніо.

На что
Заботливо такъ точишь ножъ ты свой?

Шейлокъ.

Отъ этого банкрота плату рѣзать.

Граціано.

Не на подошвѣ, на душѣ твоей (41),
Жестокій Жидъ, острипь ты ножъ свой. Нѣтъ
Метала, ни сѣкиры палача,

Въ-полъ острой шакъ, какъ злоспь твоя оспра.
Не могупъ просьбы размягчипь шебя?

Шейлокъ.

Нѣшъ, какъ бы пы искусенъ въ оныхъ ни былъ.

Грацiано.

О, будь же проклятъ, песъ неумолимый!
А жизнь твоя будь обвиненьемъ правдѣ!
Едва меня ты не колеблешь въ вѣрѣ,
И заставляешь думать съ Пиѳагоромъ,
Что души безсловесныхъ переходятъ
Въ тѣла людей: твой звѣрскiй духъ жилъ въ волкѣ!
Повѣшенный за сжранье человѣка,
Онъ испустилъ на висѣлицѣ душу
Свирѣпую свою, и въ ту минуту,
Какъ въ матери нечистой ты зачался, —
Излилъ себя — въ тебя! Ты жаждешь лишь,
Какъ лютый волкъ, хищенiя и крови.

Шейлокъ.

Пока печать ты съ векселя сругаешь,
Такъ надорвешь себѣ печонку крикомъ.
Побереги свой умъ, молодчикъ добрый!
А то вѣдь онъ до смерти заболитъ. —
Я ожидаю здѣсь суда.

Герцогъ.

Белларіо въ семъ письмѣ рекомендуетъ
Суду законовѣдца молодаго.
Гдѣ онъ?

Нерисса.

Онъ здѣсь, и ждетъ, чтобы узнать,
Позволите ль впустить его.

Герцогъ.

О, очень
Радъ. Трое или четверо изъ васъ,
Сюда его учтиво проводите.
Межъ тѣмъ услышитъ Судъ письмо Белларіо.

(Писарь читаетъ;)

»Увѣдомляю Вашу Свѣтлость, что я, при полученіи вашего письма, былъ боленъ; но въ то время, когда пріѣхалъ ко мнѣ вашъ посланный, у меня былъ, для дружескаго посѣщенія, молодой правовѣдъ изъ Рима, по имени Балтазаръ. Я сообщилъ ему о тяжбѣ между Жидомъ и купцомъ Антоніо; мы перерыли много книгъ; онъ знаетъ мое мнѣніе, и оно, подкрѣплено бывъ его ученостью (обширность коей я не могу довольно похвалить), идетъ съ нимъ, по моей просьбѣ, для удовлетворенія вашему желанію, вмѣсто меня. Прошу васъ, не смотря на недостатокъ у него лѣтъ, не допу-

стить его терпѣть недостатокъ должнаго къ нему почтенія; ибо я не знаю молодаго человѣка съ такою старой головой. Поручаю его вашему благосклонному пріему; его судъ будетъ ему лучшею рекомендаціею.»

Герцогъ.

Вы слышите, что пишетъ намъ Белларіо;
Я думаю, что это ужъ тотъ Докторъ.
(Входитъ Порція, одѣтая въ платьѣ Адвоката.)
Мнѣ руку вашу! Отъ Белларіо вы
Пріѣхали?

Порція.

Такъ точно, Ваша Свѣтлость.

Герцогъ.

Радъ видѣть васъ. Прошу садиться! Вы
Уже знакомы съ тяжбою, о коей
Теперь идетъ въ Судѣ семъ разсужденье?

Порція.

Я совершенно знаю это дѣло. —
Кто здѣсь купецъ, кто Жидъ?

Герцогъ.

Антоніо,
Съ Шейлокомъ старымъ, подойдите оба!

Порція.

Тебя зовутъ Шейлокъ?

Шейлокъ.

Шейлокъ меня

Зовутъ.

Порція.

Ты ищешь страннаго взысканья.
Но впрочемъ, ты такъ ищешь, что законъ
Венеціи тебя не остановитъ.

(Къ Антоніо.)

Бѣда вамъ отъ него! Не правда ли?

Антоніо.

Да, такъ онъ говоритъ.

Порція.

Вы признаете

Вашъ вексель?

Антоніо.

Признаю.

Порція.

Такъ долженъ Жидъ

Быть милостивъ.

Шейлокъ.

Съ какой неволи долженъ?
Скажите это мнѣ.

Порція.

Не знаетъ милость
Неволи никогда, и упадаетъ,
Какъ тихій дождь на землю съ высоты,
Сугубымъ будучи благословеньемъ:
Она и тѣхъ благословляетъ, кто
Творитъ ее, и тѣхъ, кто принимаетъ.
Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ.
Она приличнѣе короны самой
Монарху на престолѣ. Скиптръ его
Владычества есть временнаго признакъ,
Величія и сана принадлежность;
Въ немъ скрыто то, чѣмъ страшны Короли;
Но милость выше этой мощи скиптра:
Владычество ея въ сердцахъ Царей,
Она есть свойство Бога самагò;
Земная власть тогда близка къ небесной,
Коль съ правдою соединяетъ милость. —
И такъ, Жидъ, хоть твой искъ и правъ, но вспомни,
Что никому изъ насъ нѣтъ передъ правдой
Спасенія. О милости мы молимъ,
И эта насъ молитва научаетъ,
Чтобъ мы творили милости дѣла.

Всѣмъ симъ хотѣлъ смягчить я правый искъ твой.
Но если ты не хочешь, — строгій Судъ сей
Рѣшенье дастъ противъ сего купца.

Шейлокъ.

Дѣла мои на голову мою!
Хочу закона, платы по условью!

Порція.

Онъ развѣ денегъ уплатить не можетъ?

Бассаніо.

Вотъ, я даю ему, передъ Судомъ,
Двойную сумму: если не довольно
Того, — я въ десятеро сверхъ еще
Ему платить согласенъ, и поставлю
На вексель руки, голову и сердце.
Коль не довольно этого, такъ явно,
Что злоба верхъ надъ честностью беретъ. —
Но я молю васъ, наклоните вы,
Одинъ хоть разъ, законъ по власти вашей.
Чтобъ сдѣлать больше правды, хоть немного
Неправды сдѣлайте, и обуздайте
Тѣмъ адское желанье сатаны.

Порція.

Тому не быть. Въ Венеціи нѣтъ власти —
Перемѣнять уставленный законъ.

На то смотрѣть начнутъ, какъ на примѣръ,
И чрезъ примѣръ, зла много вкрасться можетъ
Въ республику. Нельзя такъ.

Шейлокъ.

Даніилъ
Пришелъ судить! Ей, Даніилъ! О, мудрый
Судья! какъ васъ я много почитаю!

Порція.

Позвольте мнѣ на вексель посмотрѣть.

Шейлокъ.

Вотъ онъ! Вотъ онъ, достопочтенный Докторъ!

Порція.

Шейлокъ, тебѣ вѣдь предлагаютъ втрое.

Шейлокъ.

Поклялся я, поклялся я на небо!
Мнѣ на душу взять клятвопреступленье?
Нѣтъ! нѣтъ! ни за Венецію!

Порція.

Ну! вексель
Просроченъ, и законно можетъ Жидъ
По оному отыскивать фунтъ тѣла,
И рѣзать у Антоніо подлѣ сердца!

Будь милостивъ! Возми тройную сумму!
Вели порвать бумагу мнѣ.

Шейлокъ.

Когда
Уплатится, согласно съ содержаньемъ. —
Мы видимъ ужъ, что вы судья достойный:
Вы знаете законъ; вы изложили
Весьма умно. Я васъ прошу закономъ,
Котораго достойной вы подпорой, —
Окончить приговоръ. Я вамъ своей
Душей клянусь! Нѣтъ силы въ языкѣ
Такой у человѣка, чтобъ меня
Перемѣнить. Я требую уплаты!

Антоніо.

Покорнѣйше прошу Судъ — произвесть
Рѣшеніе.

Порція.

Такъ Судъ вотъ и рѣшаетъ:
Вы приготовить грудь свою должны
Къ его ножу сей-часъ.

Шейлокъ.

О благородный
Судья! О юноша мой превосходный!

Поція.

Смыслъ и значеніе закона точно
Согласны съ неустойкой, о которой
Сей вексель говоритъ.

Шейлокъ.

Такъ точно, такъ!
О мудрый мой и праведный судья!
Какъ ты своей наружности старѣе!

Порція.

Итакъ, откройте вашу грудь!

Шейлокъ.

Да! грудь!
Такъ вексель говоритъ. Не правда ли,
Судья мой благородный? Подлѣ сердца —
Вотъ именно слова.

Порція.

Да, да. — Есть здѣсь
Вѣсы, чтобъ свѣсить тѣло?

Шейлокъ.

У меня
Они готовы.

Порція.

Лекарь чтобъ здѣсь былъ,

Шейлокъ, на твой счетъ, рану завязать!
А то умретъ онъ истеченьемъ крови.

Шейлокъ.

А упомянуто о томъ въ бумагѣ?

Порція.

Не сказано, но что жъ? Не худо, если
Ты сдѣлаешь изъ состраданья такъ.

Шейлокъ.

(Смотря на вексель.)

Того здѣсь нѣтъ; нѣтъ въ векселѣ того.

Порція.

Ну, что, купецъ? Вы не хотите ль
Сказать чего?

Антоніо.

Не много. Я совсѣмъ
Вооруженъ и приготовленъ. — Дайте,
Бассаніо, руку вашу мнѣ. Прощайте!
Но не грустите, что такъ палъ я
За васъ. Тутъ милостивѣе гораздо
Фортуна поступаетъ, чѣмъ обыкновенно:
Она, обыкновенно, заставляетъ
Несчастнаго переживать богатство,
Глазами впалыми, съ челомъ въ морщинахъ,
Смотрѣть на нищенскій періодъ жизни.

Отъ этого томящаго мученья
Она меня избавила. — Почтенной
Супругѣ вашей мой поклонъ. Скажите
Ей, какъ Антоніо кончилъ жизнь; какъ васъ
Любилъ; съ какою твердостію умеръ;
И пусть, когда все кончится, посудитъ
Она, любимъ ли былъ когда Бассаніо.
Не кайтесь, что лишаетесь вы друга,
И онъ не кается, что платитъ долгъ вашъ:
Когда лишь Жидъ зарѣжетъ глубоко, —
Я оный заплачу мгновенно — сердцемъ.

Бассаніо.

Антоніо, я жену теперь имѣю,
Которая мнѣ дорога какъ жизнь:
Но жизнь мою, жену и цѣлый свѣтъ
Я не цѣню твоей дороже жизни.
Все бъ потерялъ, пожертвовалъ бы всѣмъ,
Чтобы тебя отъ дьявола избавить.

Порція.

Жена была бъ вамъ мало благодарна,
Услышавъ, чѣмъ вы жертвуете здѣсь.

Граціано.

Жену мою, признаться, самъ люблю я;
Но я бъ желалъ ей мѣста въ небесахъ,
Чтобы могла просить какую силу —
Смягчить сего Жида безчеловѣчье.

Нерисса.

То хорошо, что ты желаешь такъ
Изъ за-спины у ней; желанье это
Надѣлало бъ, иначе, шуму въ домѣ.

Шейлокъ.

(Въ сторону.)

Вотъ это Христіанскіе супруги!
Имѣю дочь я. Я бы согласился
Скорѣй, чтобы изъ племени Варравы
Былъ кто ей мужемъ, чѣмъ Христіанинъ!

(Вслухъ.)

Мы тратимъ время. Дѣлай приговоръ,
Пожалуй-ста.

Порція.

Фунтъ тѣла отъ сего
Купца принадлежитъ тебѣ: его
Судъ присуждаетъ, а законъ даетъ.

Шейлокъ.

Преправосуднѣйшій судья!

Порція.

И долженъ ты отрѣзать это тѣло
Близъ сердца: такъ законъ нашъ позволяетъ
А Судъ тебѣ такъ дѣлать присуждаетъ.

Шейлокъ.

О преученѣйшій судья! — Рѣшенье!
Давай! готовься!

Порція.

Подожди немного.
Тутъ есть еще другое. Этотъ вексель
Ни капли крови не даетъ тебѣ.
Вотъ точныя слова: фунтъ тѣла.
Такъ плату ты бери; бери фунтъ тѣла.
Но, рѣжа оное, коль ты прольешь
Одну лишь каплю Христіанской крови, —
То все твое имѣнье по законамъ
Венеціи должно конфисковаться
Въ казну республики.

Граціано.

О правосудный
Судья! — Жидъ, помни жъ! — О ученый
Судья!

Шейлокъ.

А есть такой законъ?

Порція.

Увидишь
Самъ исполненье: ибо такъ какъ ты
На правосудье настоишь, — то вѣрь,
Найдешь его ты больше, чѣмъ желаешь.

Граціано.

Судья ученый! — Помни жъ, Жидъ! — Ученый
Судья!

Шейлокъ.

На предложенье я согласенъ.
По векселю мнѣ заплатите втрое —
И пусть себѣ идетъ Христіанинъ.

Басаніо.

Вотъ, деньги здѣсь.

Порція.

Постойте! Жидъ
Все правосудье долженъ получить.
Постойте! не спѣшите! Ничего
Не долженъ взять онъ; лишь одну уплату
По векселю.

Граціано.

Жидъ! праведный судья!
Судья ученый!

Порція.

Ну! готовься рѣзать
Ты тѣло. Крови же не проливай;
Да рѣжь не больше и не меньше — ровно
Фунтъ тѣла. Если ты отрѣжешь больше,

Иль меньше фунта, — будь то легче лишь,
Или тяжелѣ фунта, половиной
Двадцатой части скрупула, — когда
Въ вѣсахъ при вѣсѣ на-волосъ походу, —
Умрешь ты, а твое имѣнье будетъ
Конфисковаться!

Граціано.

Даніилъ второй,
Жидъ, Даніилъ! — Невѣрный! ну, поймалъ
Тебя я за бедро! (42)

Порція.

Что жъ сталъ ты, Жидъ?
Бери себѣ уплату!

Шейлокъ.

Капиталъ
Мой дайте, и позвольте мнѣ идти.

Бассаніо.

Онъ приготовленъ для тебя. Вотъ, здѣсь.

Порція.

Онъ отказался отъ него предъ всѣми.
Онъ именно получитъ правосудье,
По векселю уплату.

Граціано.

Даніилъ,
Твержу все я; вторый онъ Даніилъ. —
Благодарю тебя, Жидъ, что меня
Ты этому словечку научилъ.

Шейлокъ.

Не получу я просто капитала?

Порція.

Ты не получишь ничего; лишь плату
По векселю, подъ опасеньемъ смерти.

Шейлокъ.

Ну, такъ пусть чортъ его дастъ въ прокъ ему;
Не нужно ничего мнѣ.

Порція.

Подожди, Жидъ.
Судъ на тебя претензію имѣетъ.
Въ Венеціи законъ есть, что когда
Доказано на иностранца будетъ,
Что прямымъ иль непрямымъ онъ путемъ
Хотѣлъ отнять у гражданина жизнь,
То тотъ, противъ кого онъ умышлялъ,
Беретъ его имѣнья половину,
Другуюже беретъ себѣ казна, —
А жизнь преступника — въ ней воленъ Герцогъ,

Противъ другихъ всѣхъ голосовъ. Но ты
Находишься въ семъ положеньи : ибо
Изъ явнаго поступка видно, что
Ты прямо и непрямо умышлялъ
На жизнь отвѣтчика, и тѣмъ подвергся
Опасности, какъ тотчасъ изъяснилъ я.
Такъ на колѣна жъ! и проси пощады
У Герцога!

Граціано.

Проси, чтобъ онъ тебѣ
Повѣситься позволилъ; поелику жъ
Твое имѣнье все взято въ казну,
И ужъ тебѣ купить веревки нечѣмъ,
Такъ ты повиснешь на казенный счетъ

Герцогъ.

Чтобъ видѣлъ ты различье нашихъ душъ, —
Дарю тебѣ жизнь прежде, чѣмъ ты просишь.
Имѣнья половина твоего —
Антоніо, а другая часть — казнѣ.
Смиренье можетъ все пополнить пеней.

Порція.

Республикѣ — пусть такъ; Антоніо — нѣтъ. (43)

Шейлокъ.

Нѣтъ! лучше жизнь! Но такъ не отдавайте.
Вы домъ берете мой, коль столбъ берете,

Которымъ подперmъ домъ; вы жизнь береmе
Мою, когда береmе средсmва жизни.

Порція.

Какую милосmь для него, Анmоніо,
Ты можешь оказаmь?

Граціано.

Веревку даромъ,
А больше ничего; прошу васъ Богомъ!

Антоніо.

Угодно, Герцогъ, вамъ mо и Суду,
Чmобы просmиmь ему одну часmь пени, —
На mо согласенъ я, съ нѣмъ, чmобы онъ
Въ распоряженье оmдалъ мнѣ другую,
Вручиmь, когда умреmъ онъ, джентлемену,
Коmорый дочь его укралъ недавно,
При двухъ условьяхъ сверхъ mого: во-первыхъ,
За эmу милосmь обраmиmься mоmчасъ
Онъ долженъ въ Хрисmіансmво; во-вmорыхъ,
Чmобъ онъ въ Судѣ семъ сдѣлалъ запись, въ силу
Коmорой онъ оmдасmъ по смерmи все,
Чmо будеmъ у него — Лоренцо, сыну,
И дочери своей.

Герцогъ.

Онъ долженъ сдѣлаmь

Такъ, а не то, я отмѣню прощенье,
Которое здѣсь тотчасъ произнесъ.

Порція.

Доволенъ ты, Жидъ? Что на это скажешь?

Шейлокъ.

Доволенъ.

Порція.

Напиши же запись, писарь.

Шейлокъ.

Позвольте мнѣ отсель уйти; я боленъ.
Пришлите дѣло въ домъ: я подпишу.

Герцогъ.

Идти себѣ иди, но это сдѣлай.

Граціано.

Двухъ крестныхъ будешь ты имѣть отцовъ.
Когда бъ судьей былъ я, — ты бъ десять (44) ихъ
Еще имѣлъ — на висѣлицу весть
Тебя, а не къ купѣли.

(Шейлокъ уходитъ.)

Герцогъ.

Сиръ, прошу
Ко мнѣ откушать.

Порція.

Извините въ томъ
Меня, Сіятельнѣйшій Герцогъ. Долженъ
Я на̀ ночь въ Падуу отсель поспѣть,
И ѣхать тотчасъ мнѣ необходимо.

Герцогъ.

Жалѣю я, что вамъ досуга нѣтъ. —
Антоніо! джентльмену благодарность!
Я мыслю, ты ему обязанъ много.

(Герцогъ, Сенаторы и свита уходятъ)

Бассаніо.

Достойнѣйшій джентльменъ! я и другъ мой
Посредствомъ вашей мудрости сегодня
Освободились отъ тяжелыхъ пеней.
За что̀ три тысячи червонцевъ, должныхъ
Жиду, мы вамъ охотно отдаемъ
За обязательный вашъ трудъ.

Антоніо.

И сверхъ того стоимъ въ долгу у васъ
Любовью и услугой навсегда.

Порція.

Тотъ получилъ ужъ плату, кто доволенъ;
А я тѣмъ, что избавилъ васъ, доволенъ,
И это мнѣ достаточная плата.

Я не былъ вѣкъ свой болѣе продажнымъ. (45)
Прошу со мной встрѣчаться какъ съ знакомымъ.
Счастливо оставаться.

БАССАНІО.

Любезный Сиръ! еще просить васъ смѣю.
Возмите съ насъ какую память, такъ
Какъ долгъ, не такъ, какъ плату. Двухъ вещей
Прошу: не отказать мнѣ, и простить.

ПОРЦІЯ.

Вы настоите, и я уступаю.

(Къ Антоніо.)

Вы мнѣ перчатки, чтобъ носить по васъ;

(Къ Бассаніо.)

По васъ же, — вы мнѣ дайте этотъ перстень.
Не прячьте рукъ назадъ. Я ничего
Не буду брать; а въ этомъ для любви
Ко мнѣ вы не откажете, конечно.

БАССАНІО.

Сей перстень, добрый Сиръ! — ахъ, онъ бездѣлка!
Мнѣ стыдно было бъ подарить вамъ это.

ПОРЦІЯ.

Но не хочу я ничего; лишь это.
Да что-то мнѣ онъ нравится теперь.

Бассаніо.

Въ немъ больше скрыто, чѣмъ его цѣна.
Я дамъ вамъ перстень, самый дорогой
Въ Венеціи, — сыщу по объявленью.
За этотъ же — меня вы извините.

Порція.

Я вижу, Сиръ, вы щедры на посулы.
Сперва меня учили, какъ просить;
Теперь же, видно, учите меня,
Какъ отвѣчать просящимъ.

Бассаніо.

Добрый Сиръ!
Сей перстень былъ мнѣ данъ моей женой;
Мнѣ давъ его, она взяла съ меня
Обѣтъ — ни продавать, ни отдавать,
Ни потерять его.

Порція.

Такой предлогъ
Для многихъ служитъ средствомъ для того,
Чтобъ сберегать подарки (46). — Еслц ваша
Жена не сумасшедшая, и знаетъ,
Какъ перстень сей я заслужилъ, — она
Не станетъ никогда за то сердиться,
Что вы мнѣ отдали его. Прощайте жъ!

(Порція и Нерисса уходятъ.)

Антоніо.

Пускай, Бассаніо, перстень онъ возметъ.
Пусть съ дружбою моей его услуга
Оцѣнятся въ наказъ (47) твоей жены.

Бассаніо.

Бѣги и догони его, Граціано.
Отдавши перстень, попроси его,
Когда лишь то возможно, въ домъ Антоніо.
Иди скорѣй!

(Граціано уходитъ.)

Ну, мы идемъ домой сію минуту.
А завтра рано утромъ ѣдемъ въ Бельмонтъ.
Пойдемъ, Антоніо.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Улица.

Входятъ : Порція *и* Нерисса.

Порція.

Узнай, гдѣ Жидъ живетъ; отдай ему
Вотъ дѣло; пусть его подпишетъ онъ.
Сегодня мы отсюда въ ночь поѣдемъ,

И за день до мужьевъ ужъ будемъ дома.
Радъ будетъ дѣлу этому Лоренцо.

(Входитъ Граціано.)

Граціано.

Прекрасный Сиръ! я, къ счастью, васъ нагналъ.
Милордъ Бассаніо, больше поразмысливъ,
Послалъ вамъ перстень, и покорно проситъ
Пожаловать къ обѣду.

Порція.

Не могу.
Но перстень принимаю благодарно.
Такъ и сказать прошу. Еще жъ прошу
Васъ — указать Шейлоковъ домъ
Вотъ писарю.

Граціано.

Извольте.

Нерисса.

Сиръ, хотѣлъ
Сказать вамъ что-то я: —
(Порціи тихо.)
Попробую, достану ль перстень мужа,
Который онъ клялся беречь до гроба.

Порція.

Ручаюсь я, что это можно.

Тогда они, Богъ вѣсть, намъ будутъ клясться,
Что перстни отдали свои мущинамъ.
А мы ихъ пристыдимъ, переклянемъ. (48)
Иди, скорѣй! Гдѣ жду тебя, ты знаешь.

НЕРИССА.

Ну, добрый Сиръ! Покажете жъ мнѣ домъ?

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Бельмонтъ. Аллея передъ домомъ Порціи.

Входятъ : Лоренцо *и* Есника.

ЛОРЕНЦО.

Свѣтла луна ; — въ такую ночь, какъ эта,
Когда зефиръ деревья цѣловалъ,
И заставлялъ молчать, — въ такую ночь,
Кажись, всходилъ Троилъ на стѣны Трои,
И душу выдыхалъ къ палаткамъ Грековъ,
Крессида гдѣ лежитъ.

ЕСИКА.

Въ такую ночь,
Со страхомъ Тисба по росѣ ступала,
И прежде тѣнь льва видѣла, чѣмъ льва,
И въ ужасѣ бѣжала прочь.

Лоренцо.

Въ такую ночь,
Стояла, съ вѣтвью ивовой въ рукѣ,
Дидона у бреговъ шумящихъ моря,
И ей махала своему Энею:
Назадъ! къ ней! въ Карѳагенъ!

Ессика.

Въ такую ночь,
Медея чарныя сбирала травы,
Язона молодить.

Лоренцо.

Въ такую ночь
Обкрала Ессика казну Жида,
И изъ Венеціи ушла съ любезнымъ
Повѣсой въ Бельмонтъ.

Ессика.

Да въ такую ночь,
Лоренцо молодой клялся ей въ нѣжной
Любви, укравши душу у нее
Неоднократными обѣтами, а вѣрныхъ
Хоть-бы одинъ-то!

Лоренцо.

Да въ такую ночь,
Премиленькая Ессика, какъ злая

Жена, злословила любовь ея,
А онъ ей то простилъ.

Ессика.

Желала бъ я тебя здѣсь переночить,
Когда бъ кто не пришелъ; — но вотъ идетъ.

(Входитъ Стефано.)

Лоренцо.

Кто скоро такъ идетъ въ молчаньи ночи?

Стефано.

Другъ.

Лоренцо.

Другъ? Какой другъ? Какъ зовутъ васъ, другъ?

Стефано.

Стефано я, и вѣсть вамъ приношу,
Что госпожа моя передъ разсвѣтомъ
Прибудетъ въ Бельмонтъ: ѣздитъ вкругъ она
Къ святымъ крестамъ, и на колѣнахъ молитъ
О счастливыхъ супружества часахъ.

Лоренцо.

Кто ѣдетъ съ ней?

Стефано.

Одинъ пустынникъ только,

Да дѣвушка ея. Прошу, скажите мнѣ,
Не возвратился ль господинъ ужъ мой?

ЛОРЕНЦО.

Нѣтъ; да и не слыхали мы о немъ. —
Пойдемъ въ покои, Ессика, теперь,
И приготовимся къ какой нибудь
Обрядной встрѣчѣ, дома госпожи.
(Входитъ Ланселотъ.)

ЛАНСЕЛОТЪ.

Эй, эй! Эй, го, го,! Эй, эй!

ЛОРЕНЦО.

Кто кричитъ?

ЛАНСЕЛОТЪ.

Эй! Не видали ль вы господина Лоренцо, да госпожи Лоренцо! Эй, эй!

ЛОРЕНЦО.

Перестань орать, человѣкъ. Здѣсь!

ЛАНСЕЛОТЪ.

Эй! Гдѣ, гдѣ?

ЛОРЕНЦО.

Здѣсь.

Ланселотъ.

Скажите ему, что пріѣхалъ почтарь отъ моего господина, съ полнымъ рогомъ хорошихъ новостей. Господинъ мой будетъ сюда на разсвѣтѣ.

(Уходитъ.)

Лоренцо.

Мой другъ, пойдемъ, и будемъ тамъ ихъ ждать.
А впрочемъ, ничего ; — зачѣмъ туда?
Стефано, другъ, дай въ домѣ знать, что близко
Ужъ госпожа. А музыканты пусть
Сюда изъ комнатъ выйдутъ. —

(Стефано уходитъ.)

Какъ сладко спитъ луна на этомъ холмѣ!
Здѣсь сядемъ мы, и музыки пусть звуки
Въ нашъ льются слухъ. Спокойствіе и ночь —
Проводники гармоніи пріятной.
Сядь, Ессика! Взглянь, какъ сводъ неба *часто*
Убитъ кругами свѣтло-золотыми.
Ни одного изъ видимыхъ тобой
Нѣтъ, что бъ не пѣлъ, движеньемъ онъ, какъ ангелъ,
Средь хора юно-окихъ херувимовъ :
Гармонія та жъ и въ душахъ безсмертныхъ ;
Но грязная пока грѣха одежда
Ее такъ грубо кроетъ, — не слышна намъ.

(Входятъ музыканты.)

Сюда! Діану гимномъ разбудите! (49)

Слухъ госпожи веселымъ троньте тушемъ,
И съ музыкой ее ведите въ домъ.

(*Музыка.*)

Ессика.

Какъ музыку я слушаю, — мнѣ грустно.

Лоренцо.

То потому, что духъ твой въ напряженьи.
Взгляни на дикое, на волѣ стадо,
Иль молодыхъ семейство жеребятъ:
Какъ прыгаютъ и громко ржутъ они,
По пылкому у нихъ стремленью крови;
Когда же, вдругъ, услышатъ звукъ трубы,
Иль музыка до слуха ихъ проникнетъ,
Вотъ видишь, какъ они всѣ вмѣстѣ, стали!...
Ихъ дикій глазъ такъ скромно устремленъ —
Отъ музыки пріятной. Потому-то,
Поэтъ предалъ, что будто бы Орфей
Каменья, дерева и рѣки двигалъ. —
Нѣтъ грубаго столь въ мірѣ существа,
Чтобъ музыкой, на время, не смягчалось; —
Кто музыки въ себѣ не сознаётъ,
Гармоніей не трогается звуковъ, —
Способенъ тотъ предать, слукавить, ограбить.
Какъ ночь, темны — души его движенья;
Какъ самый адъ, его желанья мрачны.

Не будемъ мы симъ людямъ довѣрять.
Послушай музыки! —

(Входятъ: Порція и Нерисса въ отдаленіи.)

Порція.

Вонъ, видишь свѣтъ; горитъ вѣдь это въ залѣ.
Въ какую даль свѣча лучи бросаетъ!
Такъ свѣтится добро въ порочномъ мірѣ.

Нерисса.

Намъ, при лунѣ, свѣчи не видно было.

Порція.

Такъ слава бо́льшая темнитъ меньшу́ю.
Подвластный свѣтитъ ясно, будто Царь,
Когда Царя нѣтъ подлѣ; а тогда,
Онъ и не видѣнъ, какъ потокъ страны
Въ пучинѣ моря. — Музыка! Послушай!

Нерисса.

Вѣдь это ваша музыка, Милéди.

Порція.

Все хорошо, по отношеньямъ только. (50)
Пріятнѣй, кажется, звенитъ, чѣмъ днемъ.

Нерисса.

Тому причиной тишина, Милéди.

Порція.

Ворона столько же поетъ пріятно,
Какъ жаворонокъ, если ихъ не слышишь.
И думаю, что самый соловей, —
Пой онъ лишь днемъ, когда гогочатъ гуси, —
Не лучшимъ бы казался музыкантомъ,
Какъ и крапивникъ. — Сколько есть вещей,
Которыя лишь случай приучаетъ
Къ достойной похвалѣ и совершенству. —
Стой, стой! Луна съ Эндиміономъ спитъ,
И пробудиться не желаетъ!

(Музыка перестаетъ.)

Лоренцо.

Голосъ
То Порціи, иль я обманутъ сильно.

Порція.

Меня онъ знаетъ, какъ слѣпой кукушку,
По голосу худому.

Лоренцо.

Дорогая
Миледи, рады вашему пріѣзду!

Порція.

Мы за мужьевъ молились, и въ надеждѣ,

Что онъ того идетъ все хорошо.
Они ужъ возвратились?

Лоренцо.

Нѣтъ еще,
Миледи; впрочемъ посланный пріѣхалъ
Впередъ — увѣдомить о ихъ пріѣздѣ.

Порція.

Иди, Нерисса; прикажи слугамъ,
Чтобъ не показывали вовсе, что
Въ отсутствіи отсель мы находились, —
Ни ты Лоренцо, — Ессика, ни ты.

(Звукъ трубы.)

Лоренцо.

Супругъ вашъ близко; звукъ его трубы.
Мы не разсказчики; не бойтесь, Леди.

Порція.

Ночь, кажется, больной лишь только день; —
Блѣднѣй немного; — день, подобный дню
Тому, когда за облаками солнце.

(Входятъ: Бассаніо, Антоніо, Граціано и ихъ слуги.)

Бассаніо.

Съ антиподами бъ мы имѣли день,
Когда бы вы гуляли, какъ нѣтъ солнца. (51)

Порція.

Позволь свѣтить мнѣ, только не для свѣта.
Жена для свѣта — мужу темнота,
Какой я для Бассаніо вѣкъ не буду!
Но все пусть Богъ управитъ! Рада очень
Васъ видѣть я, Милордъ.

Бассаніо.

Благодарю,
Миледи. Будьте такъ же рады другу,
Вотъ, моему. Антоніо это тотъ,
Которому я безъ конца обязанъ.

Порція.

Должны вы быть обязаны ему,
Когда онъ былъ такъ много ради васъ.

Антоніо.

Не больше, чѣмъ мнѣ заплатить могли.

Порція.

Сиръ, я васъ очень рада видѣть въ домѣ;
Но показать должна то не въ словахъ:
Такъ и не для учтивостей воздушныхъ. (52)

(Граціано и Нерисса говорятъ между собою въ сторонѣ.)

Граціано.

Луной клянусь! меня ты обижаешь!
Ей! перстень отдалъ я писцу судьи!

Пусть будетъ..... кто взялъ его,
Когда ты такъ, любовь, берешь то къ сердцу!

П о р ц і я.

Эй! споръ ужè? За что бы это такъ?

Г р а ц і а н о

За золотой обручикъ, вздорный перстень,
Что̀ мнѣ она дала; — девизъ ему,
Для всѣхъ людей, какъ стихъ ножевщика
Къ ножу: *люби меня, и не бросай!*

Н е р и с с а̀.

Что̀ говорить вамъ о цѣнѣ, девизѣ?
Вы мнѣ клялись, какъ я его дала вамъ,
Что будете носить до часу смерти,
И что онъ вмѣстѣ съ вами ляжетъ въ гробъ.
Коль не ко мнѣ, такъ къ сильнымъ клятвамъ вы бъ
Должны имѣть почтенье, и — беречь.
Отдалъ писцу судьи! Я очень знаю,
Что тотъ писецъ, который взялъ его,
На бородѣ волосъ носить не будетъ.

Г р а ц і а н о.

Нѣтъ! будетъ, какъ мужчиной станетъ зрѣлымъ.

Н е р и с с а.

Да, если женщина мужчиной станетъ.

Граціано.

Рукою этой я клянусь! Я отдалъ
Его, ей! молодому человѣку!
Родъ мальчика, или скорѣй мальчишки;
Не выше онъ тебя; писецъ судьи;
Болтливый мальчикъ попросилъ, какъ платы.
Я отказать ему сій-ей не могъ.

Порція.

Вы худо сдѣлали, скажу вамъ правду,
Что, съ легкомысленностію такой,
Отдали первый отъ жены подарокъ —
Вещь, вздѣтую на вашу руку клятвой,
И вѣрностью прикованную къ тѣлу.
Я перстень мужу своему дала,
Заставивъ клятву дать, что вѣчно онъ
Съ нимъ не разстанется. И онъ вотъ здѣсь.
Я смѣю клясться за него, что перстня
Не броситъ онъ, не сниметъ ни за всѣ
Богатства, коими владѣетъ міръ.
Граціано, слишкомъ ужъ немилосердо
Заставили жену вы — огорчаться.
Когда бъ то я была, о! я бъ взбѣсилась!

Бассаніо.

(Въ сторону.)

О, лучше бъ лѣвую отрѣзать руку,

И клясться въ томъ, что перстень потерялъ
Я, защищавъ его!

Граціано.

Милордъ Бассаніо отдалъ перстень свой
Судьѣ, просившему о томъ; — и, точно,
Онъ это заслужилъ; а тамъ ужъ мальчикъ,
Его писецъ, немного написавшій,
И моего сталъ у меня просить:
И ни судья, ни писарь, не хотѣли
Другаго ничего, кромѣ перстней.

Порція.

Какой вы перстень отдали, Милордъ?
Надѣюсь я, не тотъ, что получили
Вы отъ меня.

Бассаніо.

Когда бъ я могъ прибавить
Къ проступку ложь, — я бъ это отрицалъ.
Но, вотъ, вы видите, что на перстѣ
Нѣтъ перстня у меня. Его ужъ нѣтъ!

Порція.

Такъ точно нѣтъ и въ сердцѣ вашемъ правды.
Клянусь, что не войду я въ вашу спальню,
Пока не вижу перстня.

НЕРИССА.

(Къ Граціано.)

Такъ и я,
Пока не вижу своего.

БАССАНІО.

Мой ангелъ!
Узнай лишь вы, *кому* я отдалъ перстень,
Узнай лишь вы, *за что* я отдалъ перстень,
И лишь представь, *на что* я отдалъ перстень,
И какъ невольно я оставилъ перстень,
Когда не брали ничего, лишь перстень, —
Вы своего смягчили бъ силу гнѣва!

ПОРЦІЯ.

Знай вы, какой былъ доброты сей перстень,
Или хоть въ полъ той цѣну, кто далъ перстень,
Иль собственную честь — имѣть сей перстень, —
То вы навѣрно сберегли бы перстень.
Кто безразсудный столько человѣкъ,
Который бы, когда вы отказали
Ему въ томъ вовсе, — былъ нескроменъ такъ,
Чтобъ вещь просить, хранимую какъ святость? —
Что̀ думать мнѣ — примѣръ даетъ Нерисса.
Умру на томъ! у женщины мой перстень!

БАССАНІО.

Нѣтъ, честію моей, душей, Миледи!
Не женщина, но Докторъ Правъ былъ то,

Который получить не захотѣлъ
Три тысячи червонцевъ отъ меня,
А перстня попросилъ; — я отказалъ ему,
И онъ ушелъ отъ насъ, съ негодованьемъ;
Онъ тотъ, кому обязанъ другъ мой жизнью.
Что бъ я сказать могъ, милая Миледи?
Я принужденъ былъ отослать къ нему!
Меня смѣшали вѣжливость и стыдъ.
Моя честь не могла такъ замараться
Неблагодарностью. Простите мнѣ,
Миледи добрая! Клянусь я вамъ
Святыми этими свѣчами ночи,
Что еслибъ вы тамъ были, я увѣренъ,
Вы бъ сами у меня просили перстня,
Чтобъ Доктору достойному отдать.

Порцiя.

Пусть къ моему онъ не подходитъ дому:
Какъ скоро онъ любимый взялъ мой камень,
Который вы клялися мнѣ беречь, —
Ему отказывать ни въ чемъ не буду,
. . . . Я
Должна его узнать, навѣрно такъ.
Не отлучайтесь ночью, и меня
Какъ Аргусъ берегите: если жъ нѣтъ,
И я одна останусь, вѣрьте чести,
Которая еще принадлежитъ мнѣ,
Что Докторъ — мой компанiонъ въ постелѣ.

Нерисса.

А мнѣ писецъ его! И такъ, смотрите,
Какъ будете вы оставлять меня,
Подъ собственной моей защитой!

Граціано.

Да, хорошо! пусть такъ! Но только, чтобъ
Я не поймалъ его! Когда жъ поймаю,
Такъ я ему перо писца сломаю.

Антоніо.

Я споровъ сихъ несчастною причиной.

Порція.

Не безпокойтесь, Сиръ. За всѣмъ тѣмъ, мы
Вамъ рады.

Бассаніо.

Порція, простите мнѣ
Невольную обиду эту! Я,
При этихъ всѣхъ друзьяхъ, клянусь тебѣ,
Клянусь тебѣ прекрасными твоими
Глазами, въ коихъ вижу я себя.

Порція.

Прошу замѣтить только это! Въ двухъ
Моихъ глазахъ себя двойнымъ онъ видитъ:
На каждый глазъ — одинъ: — клянитесь мнѣ

Собой двойнымъ, и это будетъ клятва,
Которой я повѣрю.

Б а с с а н і о.

Нѣтъ, послушай!
Прости вину мнѣ эту, — и душей
Моей клянусь, что вѣчно не нарушу
Моей передъ тобою клятвы.

А н т о н і о.
(Порціи.)

Для пользъ его я *тѣло* отдавалъ,
Которое, — не будь того, кто перстень
Взялъ мужа вашего, — погибло бы.
Я смѣю разъ еще кредитоваться!
За неустойку — душу отдаю,
Что вѣрности онъ вѣчно не нарушитъ
Съ намѣреньемъ!

П о р ц і я.

Вы за него порукой.
Отдайте жъ, вотъ ему, и прикажите,
Беречь его получше, чѣмъ другой.

А н т о н і о.

Клянитесь перстень сей беречь, Бассаніо!

Б а с с а н і о.

Клянуся Небомъ!.. Да онъ самый тотъ,
Что Доктору я отдалъ!

Порція.

Отъ него
И получила я; простите мнѣ,
Бассаніо; съ этимъ перстнемъ Докторъ спалъ
Со мной.

Нерисса.

И вы меня простите, милый
Граціано: тотъ негодный мальчикъ, писарь
При Докторѣ, вотъ въ этомъ самомъ перстнѣ,
Въ прошедшую ночь спалъ со мной.

Граціано.

Ну,
Все это такъ, какъ лѣтняя поправка
Дорогъ, когда онѣ и такъ не худы. —
Такъ мы въ рогахъ, еще не заслуживъ?

Порція.

Повѣжливѣй! — Вы всѣ изумлены.
Прочтите, на досугѣ, вотъ письмо.
Его прислалъ изъ Падуи Белларіо; —
Увидите, что Порція — была
Тотъ Докторъ, а Нерисса — тотъ писецъ.
Лоренцо здѣсь свидѣтель, что отсель
Отправилась въ одно я время съ вами,
И вотъ теперь лишь только возвратилась;
Еще и не входила въ домъ. — Антоніо,
Я рада вамъ. Въ моемъ запасѣ есть

Для васъ вѣсть лучшая, чѣмъ ждете вы.
Вотъ, тотчасъ распечатайте письмо;
Найдете, что три вашихъ корабля
Съ богатымъ грузомъ, вдругъ прибыли въ гавань.
Вамъ не узнать, какой былъ странный случай,
Которымъ мнѣ дошло письмо.

АНТОНІО.

Я нѣмъ.

БАССАНІО.

Ты Докторомъ была, и не узналъ я?

ГРАЦІАНО.

А ты писцомъ, что мнѣ рога приставитъ?

НЕРИССА.

Онъ никогда съ тобой такъ не поступитъ,
Не доживя до зрѣлаго мужчины.

БАССАНІО.

Мой милый Докторъ! Вы товарищъ мнѣ
Въ постелѣ. Порція — вамъ безъ меня.

АНТОНІО.

Миледи, вы мнѣ дали жизнь и житъ.
Здѣсь вижу я, что корабли мои
Благополучно къ берегу пристали.

Порція.

Ну, что, Лоренцо? — Мой писецъ для васъ
Пріятную имѣетъ новость.

Нерисса.

Да,
И безъ взятка отдаю ему
Ее. Вотъ, доставляю вамъ,
И Ессикѣ, особенную запись
Въ томъ отъ Жида, что отдаетъ онъ вамъ
По смерти все, что̀ будетъ у него.

Лоренцо.

Прекрасная Миледи! манну вы
Бросаете голоднымъ на пути.

Порція.

Почти уже и утро; а притомъ
Я знаю, что вы вовсе не довольны
Всѣмъ, такъ случившимся. Пойдемте въ домъ.
Съ вопросами на насъ тамъ нападайте,
И вѣрный мы на все дадимъ отвѣтъ.

Граціано.

Ну, хорошо! Во-первыхъ, отвѣчать
Моя должна Нерисса на вопросъ:

Что лучше сй : другой ли ночи ждать,
Иль въ эту, вотъ, ужъ на разсвѣтѣ, спать?
Настанетъ свѣтъ, желать я буду тьмы,
Чтобъ съ писаремъ поспали больше мы.
Труднѣйшая изъ всѣхъ на свѣтѣ вещь,
Какъ перстень мнѣ Нериссинъ уберечь!

(Уходятъ.)

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. (Argosies) аргозы, отъ *Арго,* корабля Аргонавтовъ, по изъясненію Попе. Джонсонъ же говоритъ, что такъ въ Шекспирово время назывались корабли большаго грузу.

2. Поднявъ вверхъ травку, или другое какое легкое тѣло, могущее гнуться отъ вѣтра, узнавали направленіе онаго. *Джонсонъ.*

3. Имя корабля. *Джонсонъ.*

4. Peep through their eyes, (я перевелъ : *полущуритъ*). Живописное выраженіе лица при смѣхѣ, когда глаза бываютъ полу-закрыты. *Уарбуртонъ.*

5. Т. е. не буду печалиться, всегда буду веселъ. — Роль дурака обыкновенно бываетъ смѣшна и забавна.

6. Это присловное выраженіе. *Стивенсъ.* Т. е. я уменъ такъ, что когда говорю, то ни кто не смѣй мнѣ противорѣчить.

7. Авторъ хочетъ сказать : что нѣкоторые люди почитаются умными, пока молчатъ; когда же они начинаютъ говорить, то болтаютъ такъ глупо, что слушающіе ни какъ не могутъ удержаться, чтобъ не назвать ихъ *глупцами*, и такимъ образомъ подвергаются осужденію, упоминаемому въ Св. Писаніи. *Теобальдъ.*

8. Т. е.: заботиться слишкомъ о томъ, какое мнѣніе о тебѣ имѣютъ люди.

9. Это намекъ на Пуританскихъ проповѣдниковъ: они говорили такія скучныя и длинныя проповѣди, что часть оныхъ, называемую увѣщаніе (exhortation) обыкновенно оставляли на послѣ обѣда. *Уарбуртонъ.*

10. Неаполитанцы въ Шекспирово время были отличные знатоки во всемъ, что относится къ искуству ѣздить верхомъ. *Стивенсъ.*

11. Т. е.: все и ничто.

12. Это относится къ невѣжеству Англійскихъ путешественниковъ того времени. *Уарбуртонъ.*

13. Намекъ на всегдашнюю помощь, или лучше на всегдашнія обѣщанія помощи, которыя Французы дѣлали Шотландцамъ противъ Англичанъ. Здѣсь это осмѣивается. *Уарбуртонъ.*

14. Т. е.: за пьяницу.

15. Sufficient у Шекспира въ этомъ мѣстѣ означаетъ то, что ручательство Антоніо Шейлокъ почитаетъ достаточнымъ; по-Русски же оно здѣсь и то значитъ, что Антоніо человѣкъ достаточный — богатый.

16. Въ подлинникѣ: *Если бъ я могъ схватить его за бедро!* Выраженіе, взятое отъ борцевъ, по замѣчанію Джонсона. Генлей прибавляетъ къ сему, что это намекъ на борьбу Іакова съ Ангеломъ. Быт. XXXII, 24 и проч.

17. Онъ разумѣетъ Ланселота Гоббо, своего слугу.

18. Въ подлинникѣ icicles — ледяныя сосульки.

19. Красная кровь почиталась признакомъ храбрости. Потому-то ниже говорится о трусахъ, что у нихъ печень бѣла, какъ молоко. *Джонсонъ.*

20. Двусмысліе. Но здѣсь разумѣется, что хвостъ не растетъ впередъ, а назадъ, т. е. дѣлается короче, убавляется.

21. Infection.

22. Fortifier.

23. Онъ хотѣлъ сказать аппроша, приближенія, прихода.

24. Такъ названный потому, что Эдуардъ III потерялъ въ этотъ день, при осадѣ Парижа, значительную часть войска. *Грей.*

25. Къ словамъ wry-neck'd fife, Месонъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Изъ этого видно, что флейты, въ Шекспирово время дѣлались кривыя, а не прямыя, какъ теперь.» — По этому примѣчанію должно бы перевесть: *кривыя флейты.* Мнѣ кажется, гораздо ближе будетъ къ фразеологіи Шекспировой, всегда живописной, слово fife принять въ олицетворенномъ смыслѣ, то есть, разумѣть подъ нимъ флейтщиковъ. Тогда wry-neck'd *съ кривою шеей, кривошей*, совершенно выражаетъ положеніе, въ какомъ находится шея играющихъ на флейтѣ.

26. Намекъ на монаховъ, которые въ то время клялись этою принадлежностью своего одѣянія. *Стивенсъ.*

27. Здѣсь сыграно словомъ gentile, означающимъ язычницу, и прекрасную.

28. Кажется, это относится къ Королевѣ Елисаветѣ.

29. Мысль, занятую одной любовью.

30. Т. е. счастье будетъ виновато, что не благопріятствовало ему, а не она, которая всего ему желаетъ. *Уарбуртонъ.*

31. Когда человѣкъ, достигши глубокой старости, сдѣлается опять дитятей, какъ говоритъ Авторъ:

Last scene of all
Is second childishness, and more oblivion.

Послѣдняя сцена (жизни человѣческой) второе дѣтство, и совершенное забвеніе.

32. Авторъ разумѣетъ красоту искуственную, т. е. все, чѣмъ скрашиваетъ себя кокетство, напр. румяна, и пр. Такая красота покупается на *вѣсъ*, за деньги. Кто больше обременяетъ себя оною, тотъ легче, т. е. вѣтреннѣе, и пр. и пр.

33. Данное природою другой головѣ.

34. На землю низходилъ.

35. Сахарному дыханью.

36. Живописецъ такъ искусно нарисовалъ волосы, какъ искусно паукъ сплетаетъ паутину.

37. Здѣсь игра словомъ Moor и more.

38. Игра словомъ cover — накрывать, что́ означаетъ и надѣвать шляпу.

39. Royal merchant — назывались Венеціянскіе купцы, имѣвшіе независимыя владѣнія на островахъ Архипелага, въ цвѣтущую эпоху Венеціи. *Уарбуртонъ.*

40. Здѣсь игра словами sole и soul, подошва и душа.

41. См. выше № 16.

42. Половину, слѣдующую казнѣ, онъ можетъ замѣнить денежнымъ штрафомъ, а Антоніеву — нѣтъ. *Мелонъ.*

43. Такъ вышло бы *двѣнадцать* — Англійскихъ присяжныхъ. *Теобальдъ.*

44. Онъ никогда столько не получалъ за трудъ (взятковъ), какъ въ этомъ дѣлѣ, имѣвъ случай оказать услугу такому человѣку.

45. Не тѣ, которые получили отъ другихъ, но такіе, кои можно бы сдѣлать другимъ.

46. Это такой же оборотъ, какъ: оцѣнить домъ, землю и пр. въ столько или столько.

47. Своими увѣреніями и клятвами въ противномъ, побѣдимъ, одолѣемъ ихъ.

48. Діана есть луна, о которой выше сказано, что она спитъ. *Джонсонъ.*

49. Все хорошо относительно, по обстоятельствамъ. *Джонсонъ.*

50. Если бъ вы всегда ходили ночью, то у насъ былъ бы день, такъ какъ теперь на другомъ полушаріи. *Мелонъ.*

51. Т. е. Не трачу словъ.